

Геннадий Авласенко

Пленники Чёрного леса

Сага первая.

В объятиях Чёрного леса

Глава 1

На узкой лесной дороге было, не то, чтобы совсем уж сухо, но луж, по крайней мере, поблизости, почти не было видно, хотя вот уже вторые сутки с затянутого тучами неба моросил мелкий надоедливый дождь. Впрочем, здесь, внизу, и дождь почти не ощущался. Высокие вековые деревья так тесно переплели густые свои ветви, что сверху над дорогой образовалось нечто, отдалённо напоминающее крышу. Ни единого лучика света не проникало сквозь плотное это переплетение, поэтому тут, внизу, даже в самый солнечный полдень всегда царил тусклый зеленоватый полумрак. Сегодня же, когда погода испортилась окончательно, на лесной дороге было почти темно. Недаром же этот лес прозвали Чёрным, недаром люди обычно старались обходить стороной гиблые эти места...

Но в настоящий момент именно здесь, по узкой, густо усыпанной старой опавшей листвой

лесной дороге, больше напоминающей тропинку, неторопливо двигалась целая кавалькада всадников.

На фоне огромных древесных стволов, густо поросших белым шевелящимся мхом, и лошади, и люди выглядели просто карликами, хоть при ближайшем рассмотрении это оказывалось совсем даже не так. Все лошади в отряде были как на подбор рослыми и красивыми животными чёрной или коричневой масти,... да и всадников природа ростом не обидела: высокие крепкие мужчины в возрасте от двадцати до пятидесяти лет. Всего в отряде было около двадцати человек.

На первый взгляд этих людей можно было принять за каких-то странствующих купцов или пилигримов, тем более что почти все лошади были навьючены большими увесистыми тюками, расположенными позади всадников. Но тяжёлые длинные мечи в ножнах, висевшие на поясе каждого всадника без исключения, кольчуги или лёгкие пластинчатые доспехи, видневшиеся из-под синих плащей,... наконец, конусовидные металлические шлемы на головах — всё это заставляло несколько усомниться в первоначальном предположении. Это ехали воины... у некоторых из них из-под шлемов виднелись окровавленные повязки... и у всех без исключения всадников сбоку к седлу был, при помощи хитроумно сплетённой системы ремней приторочен дальнобойный боевой

арбалет.

Всадники ехали по двое, может быть потому, что большего не позволяла им ширина дороги. Все молчали, даже лошади ступали совершенно бесшумно по мягкой, податливой дорожной подстилке из прелой листвы... изредка только слышалось негромкое позвякивание уздечки или оружия... и совсем уж редко всадники, едущие рядом, перебрасывались друг с другом двумя-тремя короткими фразами.

Два человека, находящиеся в голове колонны, заметно выделялись среди прочих своих товарищей, как величественной осанкой, так и более роскошным внешним видом. Ножны их мечей, к примеру, были не деревянными, как у прочих воинов, а сплошь покрытые тонкими костяными пластинами, украшенными к тому же золотом и самоцветными камнями. Такими же драгоценными камнями были украшены и рукоятки мечей головных всадников. Да и плащи на них были не синие, а ярко-красные с пурпурным отливом. Всё это вместе взятое заставляло предположить, что эти двое и есть истинные предводители небольшого отряда.

Внезапно один из них повернулся к своему попугайчику.

— У меня такое поганое чувство, Гаай, будто за нами всё время кто-то наблюдает! — вполголоса

произнёс он. — Ты ничего такого не ощущаешь?

Его товарищ, не отвечая, лишь отрицательно мотнул головой.

— И всё же за нами кто-то всё время следит! — первый из предводителей сердито дёрнул поводья, поправляя сбившегося с ноги коня. — И этот мох! Почему он всё время начинает шевелиться, как только мы к нему приближаемся?!

Предводитель по имени Гаай внимательно посмотрел на товарища.

— Ты у меня спрашиваешь, Рээб?

Рээб криво усмехнулся в густые усы.

— Да знаю я, что, если к нему не прикасаться, мох этот вполне безопасен! Просто... как-то из себя выводит, что ли! А что следят за нами — в этом у меня и сомнений нет даже!

Привстав на стременах, он обернулся к воинам, окинул внимательным взглядом мрачные их лица.

— Неужели никто из вас ничего такого не чувствует? Вот ты, к примеру, Стив! — обратился он к юноше, ехавшему сразу вслед за ним. — Скажи, ты не ощущаешь ничего странного?

Юноша смущённо пожал плечами.

— Тут всё странно! — сказал он звучным ломающимся тенорком. — Странно и... — он замялся на мгновение, — и страшновато немного...

— Это точно! — пробормотал воин, ехавший

вслед за юношей. — Выбраться бы поскорее из проклятого этого места!

— Дождись! — угрюмо отозвался его сосед. — Хоть бы половина из нас дожила до этого времени!

По колонне воинов пробежал невнятный ропот недовольства, но, под угрожающим взглядом обернувшегося Гаая, быстро смолк.

— Доживём! — Гаай внимательно обвёл взглядом угрюмые фигуры воинов... некоторые под этим его пристальным взглядом невольно подобрались, выпрямились в сёдлах, но таких было явное меньшинство... основная масса воинов не подняла даже глаз на грозного своего начальника.

— Я тебе я вот что скажу, Рээб! — обратился Гаай к своему напарнику. — Постарайся, как можно меньше внимания обращать на какие-то там свои ощущения, а уж тем более, комментировать всё это вслух! — он помолчал немного и добавил уже более миролюбивым тоном: — Ты просто устал, как и мы все!

— Устал, это верно! — согласился Рээб. — Пора делать привал!

— Рано ещё!

Гаай дёрнул поводья, понукая уставшую лошадь, и Рээбу ничего не оставалось, как проделать то же самое.

Дождь к этому времени уже почти

прекратился, но светлее в лесу не стало, скорее, наоборот. День подходил к концу, густой вязкий полумрак вокруг всадников с каждым новым мгновением становился всё гуще, всё непрогляднее. Пора было и в самом деле подумать о привале и ночлеге, тем более, что как раз слева от колонны виднелась очень удобная для ночного отдыха поляна. С трёх буквально сторон густо поросла она высоким колючим кустарником, из тех, которые так не любит всякая потусторонняя ночная нечисть... тут выходила самая настоящая крепость и более удобного для ночлега места даже трудно было себе представить. Радовало усталых путников ещё и то обстоятельство, что неподалёку от поляны, с противоположной от дороги стороны, поблескивала довольно прозрачной водой то ли канава, то ли небольшая лесная речушка.

— Привал! — полуобернувшись, крикнул Гаай. — Спешиваемся!

Усталые воины не заставили упрашивать себя дважды. Сворачивая последовательно, в порядке строгой очерёдности, на поляну, они тотчас же соскакивали с измученных лошадей, сразу же торопливо освобождали их от сёдел и тюков. Затем, соблюдая всяческую осторожность, под бдительной охраной четырёх воинов, вооружённых арбалетами, коней отвели на водопой... лишь после этого, стреножив, их пустили пастись на самую дальнюю

от входа сторону поляны. Травы на поляне, впрочем, почти не оказалось, но колючий кустарник по её краях, несмотря на устрашающую свою внешность, имел множество сочных, длинных и совершенно не колючих даже плодов, чем и не преминули тотчас же воспользоваться умные животные.

Устроив таким образом лошадей, люди принялись устраиваться сами. Посреди незащищённой стороны поляны воины, несмотря на сырую погоду, быстро и сноровисто развели внушительных размеров костёр. Рядом с ним предусмотрительно был приготовлен порядочный запас топлива, с таким расчётом, чтобы его хватило на всю долгую ночь. Пока несколько воинов занимались этим, все остальные, исключая двух предводителей, всячески укрепляли естественную живую изгородь вокруг поляны, срубая мечами и топорами колючие ветви и осторожно вплетая их в самых уязвимых местах изгороди. Покончив со всем этим нудным, но необходимым делом, воины сели ужинать, причём ужин был общий и порции, весьма скудные и совершенно одинаковые, достались как каждому из воинов, так и обоим предводителям.

Каждая такая порция состояла из половины чёрствой ржаной лепёшки и узкой полоски солёного подвяленного мяса неизвестного

происхождения. Одни воины, проголодавшись, уничтожали скудный сей ужин за один, как говорится, присест... другие же, такие же голодные, тем не менее, как бы стремясь растянуть удовольствие, откусывали хлеб и мясо маленькими кусочками. Впрочем, прошло совсем немного времени и даже у них от ужина остались одни лишь приятные воспоминания. Тогда, вздыхая и проклиная вполголоса гиблые эти места, воины принялись укладываться на ночлег. Измученные долгой дорогой, люди просто ложились на холодную промозглую землю, подсунув под голову седло и поплотнее завернувшись в тонкий плащ. То же самое, кстати, сделали и оба предводителя, и в этом ничем не выделяясь из общей массы воинов.

Бодрствующими остались лишь два воина у костра. Это были караульные, выбранные по жребию. Одним из караульных был уже знакомый нам юноша по имени Стив, его напарником — совершенно седой воин неопределённого возраста с обветренным загорелым лицом, украшенным многочисленными шрамами. К тому же у него не было кисти левой руки, её заменял острый стальной трезубец.

— Никогда мне не везёт со жребием! — опечаленный Стив вздохнул, с нескрываемой завистью рассматривая спящих товарищей. — Ишь как храпят! Спят и в ус не дуют, а мы...

— А мы их охраняем! — спокойно отозвался однорукий воин. — Всё честно, по жребию!

— Что-то слишком часто стал он мне выпадать в последнее время, этот жребий! — пробормотал Стив, подбрасывая в костёр пару веток посуше. — А тебе, Гэл, неужели не обидно охранять сон остальных, когда мы с тобой устали ничуть не меньше?

Гэл лишь молча пожал широкими плечами и тоже подбросил в костёр несколько веток. Некоторое время караульные сидели молча и слушали весёлое потрескивание костра, жадно пожиравшего новую порцию топлива.

— Можешь подремать прямо тут, у костра, — нарушил, наконец, затянувшееся молчание Гэл. — Если что, я тебя мигом разбужу.

Стив вздохнул, невольно оглянулся на неподвижные тёмные силуэты спящих товарищей. Искушение было сильным, но он лишь отрицательно качнул головой.

— Отказываешься? — в голосе Гэла прозвучало удивление. — Почему?

Стив снова вздохнул.

— Нельзя одному! — проговорил он с сожалением. — Не положено! Мало ли что!

— И то верно! — Гэл согласно кивнул и, внезапно меняя тему разговора, спросил: — Первый раз с нами?

Стив кивнул головой.

— И сразу поражение! — Гэл усмехнулся, невесело, одними губами. — Обидно, правда?

— А тебе? — приподнявшись, Стив буквально впился взглядом в суровое, обветренное лицо напарника. — Тебе не обидно?

Гэл снова невесело улыбнулся.

— Я привык!

— Послушай! — Стив, не отрываясь, всё смотрел и смотрел в неподвижное лицо Гэла. — Ты ведь во многих набегах побывал, ведь так? — Гэл кивнул головой в знак согласия. — Скажи, почему... как случилось, что они нас победили?

— Победили? — Гэл коротко, отрывисто рассмеялся, но тут же резко оборвал смех. — Да они нас разбили! Наголову разбили!

— Но почему, почему?! — в волнении Стив вскочил на ноги. — Ведь мы хорошо сражались, разве не так?

— Да! — Гэл согласно кивнул головой. — Мы хорошо сражались!

— Помнишь, как их конница бросилась на нас! — с упоением воскликнул Стив, потом он оглянулся на спящих воинов, слегка понизил голос. — Я оказался тогда совсем неподалёку от Гаая! Я сам видел, как он одного за другим поверх наземь не менее пяти этих трусливых ублюдков! Да и я сам... — осекшись, юноша густо покраснел и

пробормотал еле слышно: — Во всяком случае, даже если я его только ранил, этот волчий выкормыш рухнул наземь вместе с лошадьё!

Замолчав, Стив исподлобья посмотрел на Гэла, не смеётся ли он... но суровое лицо караульного по-прежнему было непроницаемым.

— А почему ты назвал его волчьим выкормышем? — вдруг ни с того, ни с сего спросил Гэл. — Ты что, всерьёз веришь во все эти сказки?

— Какие сказки?! — Стив удивлённо уставился на товарища. — Ведь они в самом деле поклоняются Волку!

Гэл усмехнулся.

— Мы поклоняемся Сове! — сказал он. — Но ведь это не значит, что мы произошли от сов!

Но Стива эти отвлечённые вопросы мало интересовали, а вернее, не интересовали вообще. Куда больше хотел он уяснить причины их неожиданного поражения. Ведь они так здорово дрались... так было везде и даже в том последнем бою! И враг, в который раз уже, дрогнул и обратился в бегство... впрочем, это было притворное бегство... а потом перед разгорячёнными преследованием воинами вдруг предстали искусно спрятанные в засаде сотни лучников вооружённых страшными дальнобойными луками из бычьих рогов. Дальше это была уже не битва а избиение...

— Я видел, как их женщины топорами и вилами добивали наших раненых воинов! — Стив сжал кулаки и даже зубами скрипнул от бессильной ярости. — Они выли как настоящие волчицы и не ведали жалости!

Замолчав на мгновение, юноша судорожно вздохнул, мотнул головой, как бы отгоняя страшное воспоминание.

— Скажи, почему они так ненавидят нас?

Гэл пожал плечами.

— А за что им нас любить? — произнёс он негромко. — Мы ведь пришли к ним грабить и убивать! — Гэл замолчал, подбросил в костёр очередную порцию топлива. — Грабить и убивать! — повторил он, внимательно глядя на Стива. — Садись, чего вскочил!

Стив снова опустился на прежнее место.

— Но ведь и они нападают на наши селения с той же целью! — лицо юноши вдруг словно потемнело от каких-то давних горестных воспоминаний. — Они грабят и убивают нас, никому не давая пощады!

— Ты прав, — Гэл согласно кивнул головой. — Они никому не дают пощады! И наши женщины тоже не ведают жалости, добивая их раненых.

Он замолчал и Стив тоже молчал, бездумно разглядывая пляшущие огоньки пламени. Да и о

чём было говорить! Они были разбиты, наголову разбиты и, что самое ужасное — ничтожной горстке уцелевших в бою воинов пришлось возвращаться домой кружным путём, через страшный, таинственный Чёрный лес... зловещее место, проклятое небом и людьми, место, из которого...

— Ты ничего не слышишь? — проговорил вдруг Гэл и в голосе однорукого воина Стив уловил явственную тревогу. — Нет?

Стив отрицательно мотнул головой.

— Прислушайся повнимательнее!

Стив прислушался.

— И теперь ничего?

— Нет! Хотя, да... кажется, теперь я что-то слышу!

Где-то далеко, в самой лесной чаще плакал ребёнок, жалобно, с надрывом. Ребёнок плакал, не переставая ни на мгновение, и плач этот постепенно становился всё громче и отчётливей, так, будто ребёнок этот двигался в их сторону.

— Ребёнок плачет! — произнёс Стив с недоумением. — Откуда он взялся тут, среди ночи? — приподнявшись, юноша впился взглядом в непроглядную темноту по ту сторону костра. — Надо его окликнуть!

Стив уже приготовился крикнуть, как Гэл внезапно схватил его за руку, больно сжал.

— Подожди!

— Но почему? — Стив в полном недоумении смотрел, как Гэл, вскочив на ноги, выхватывает из пламени длинную пылающую головню. — Ты что, Гэл? Зачем это? Это же ребёнок!

— Помолчи! — произнёс Гэл, пристально вглядываясь в темноту.

Надрывный, жалобный плач ребёнка слышался где-то совсем близко.

— Это же ребёнок! — повторил Стив и тоже встал. — Ты что, боишься ребёнка?

Гэл мельком взглянул на юношу.

— Боюсь! — коротко сказал он, головня в руке воина почти погасла, тогда он снова торопливо сунул её в костёр. — Да и никакой это не ребёнок!

— Не ребёнок? — поразился Стив, потом он вдруг облегчённо вздохнул. — Да нет же, это и в самом деле ребёнок! Вот же он!

Из темноты леса и в самом деле вышел ребёнок.

Он был совсем маленький, года три — три с половиной, не больше. Босой, в одной длинной белой рубашонке, малыш шёл в сторону костра, спотыкаясь, падая, вновь поднимаясь на маленькие, слабые свои ножки... шёл и буквально захлёбывался от плача.

«Откуда он тут взялся? — ошеломлённо подумал Стив, во все глаза разглядывая странного

этого мальчика. — И где его родители, что с ними? И, главное, что же нам теперь с ним делать?»

А ребёнок уже подходил к костру, протягивая в сторону воинов дрожащие исцарапанные ручонки... постепенно успокаиваясь, он всё ещё всхлипывал изредка, но на грязном заплаканном личике малыша была радость... радость и огромное какое-то облегчение что ли...

— Прочь! — раздался прямо над ухом Стива громовой голос Гэла... гнев, отвращение, страх, всё это причудливо переплелось в возгласе однорукого воина. — Прочь пошла, тварь!

Огненный факел, прорезав в темноте пологую дугу, упал совсем неподалёку от босых ног ребёнка, едва их не задев. Тоненько вскрикнув от страха, малыш отшатнулся от пылающей головни и, не удержавшись на ногах, шлёпнулся на землю, снова захлебнувшись рыданиями.

— Ты что, Гэл? — ничего абсолютно не понимая в происходящем, Стив с изумлением обернулся к товарищу. Застыв в напряжённо-внимательной позе, Гэл уже держал наготове новую пылающую головню. — Не надо!

— Огонь! — торжествуя крикнул Гэл, широко размахивая факелом. — Только огня они и боятся!

— Кто, они? — Стив всё ещё ничегошеньки не понимал. — Это же ребёнок, обычный

человеческий ребёнок! Он же погибнет в лесу, если мы сейчас его прогоним!

— Пять лет назад... — Гэл говорил медленно, не спеша... он даже не смотрел в сторону Стива, всё своё внимание однорукий воин уделял странному, рыдающему этому ребёнку, и только ему одному. — Так вот, пять лет назад один такой малютка в мгновение ока убил трёх воинов, взрослых здоровенных мужчин в полной боевой экипировке! Они даже не успели понять, что же с ними такое произошло! — Гэл наконец-таки мельком взглянул на растерянное лицо Стива, вновь повернулся в сторону ребёнка. — Я был четвёртым... это меня и спасло тогда... я отделался этой вот царапиной!

Гэл, подняв левую искалеченную руку, осторожно провёл блестящей сталью трезубца по глубокому рваному шраму, наискосок пересекающему левую щеку воина и терявшемуся где-то ниже, на шее.

— А всё потому... — Гэл снова мельком взглянул на юношу, — всё потому что караульными в ту ночь оказались два молодых мягкосердечных идиота! — Гэл вздохнул и, криво улыбнувшись, добавил: — Впрочем, они-то и погибли первыми...

Гэл замолчал, а ошеломленный Стив, уже веря товарищу и всё ещё сомневаясь в правдивости его слов, вновь перевёл взгляд на ребёнка. Оказалось,

что тот уже не плакал и даже не всхлипывал. Сидя на земле в напряжённой какой-то позе, ребёнок внимательно прислушивался к их разговору.

— Слушает! — Гэл кивнул головой в сторону малыша. — Поняла, тварь, что ничего её тут сегодня не светит! — Гэл снова потряс факелом. — В лес ступай, порождение тьмы! В лес!

Ребёнок снова жалобно и как-то обречёно всхлипнул... потом, с трудом поднявшись на дрожащие, непослушные ножки, медленно и беспомощно заковылял обратно, в грозную пугающую черноту ночного леса. Он шёл, маленький и совершенно незащищённый... шёл, не оглядываясь, а Гэл всё ещё держал в руке пылающую головню и, когда ребёнок, наконец, оглянулся, Гэл снова погрозил ему огнём. Всё ещё сомневаясь в правдивости слов товарища, Стив с болью и какой-то щемящей жалостью смотрел на тщедушную белую фигурку, почти исчезнувшую уже во мраке ночи. И в это самое время оттуда, из мрака, до его ушей донёсся внезапно близкий свирепый вой, переросший затем в низкое, леденящее душу, рычание большого хищного зверя... малютка, повернувшись, вновь бежал сюда, к ним, а по его следам уже мчался, стремительно настигая ребёнка, злобный монстр с красными светящимися глазами, полуволок-полумедведь... а тут ещё сам ребёнок, внезапно споткнувшись обо

что-то, упал, всего несколько шагов не добежав до костра...

Кровь бросилась в голову молодого воина. Уже ни о чём больше не думая, не размышляя, Стив выхватил из ножен меч и рванулся вперёд, на помощь. Только бы успеть, отогнать чудовище, спасти невинное это дитя... помочь ему, подхватить на руки, крепко прижать к груди...

Что-то острое и холодное больно упёрлось в горло Стива. Немного придя в себя, он обнаружил вдруг у самого своего горла блестящий трезубец Гэла... сам же Гэл на Стива даже не смотрел... всё внимание его было сосредоточенно на ребёнке.

— Сделай только шаг и я тебя убью! — тихо и без всякого выражения произнёс Гэл. — Иначе жертв будет несоизмеримо больше!

Уже полностью очнувшись от наваждения, Стив тоже посмотрел в сторону ребёнка и обнаружил, что чудовищный зверь, не причинив малютке никакого совершенно вреда, спокойно опустился на землю рядом с ним. Перехватив потрясённый взгляд Стива, чудовище оскалилось, обнажив на мгновение острые блестящие свои клыки, потом оно, равнодушно зевнув, отвернулось в сторону. А странный этот ребёнок в свою очередь взглянул на молодого воина, и Стива как громом поразила произошедшая с малюткой неожиданная перемена.

Нежное лицо ребёнка вдруг странно и страшно исказилось, вытянулось вперёд, быстро покрываясь морщинами... глаза, не по-человечески большие и круглые, сверкали сквозь темноту ночи двумя яркими рубиновыми фонарями... тонкие синие губы перекосила отвратительно-злобная гримаса. Медленно вытянув перед собой правую руку, лесная тварь погрозила напоследок застывшему от неожиданности Стиву длинным узловатым пальцем. Потом, издевательски захохотав, она вскочила на спину волкоподобного монстра. Ещё мгновение... и страшная пара ночных чудовищ скрылась в непроглядном ночном мраке, мгновение спустя из темноты леса донёсся до ушей Стива уже отдаляющийся издевательский хохот ночного гостя и, как бы переплетённый с ним в единое целое, дикий свирепый вой... всё дальше, дальше... и вот, наконец, всё смолкло окончательно.

— Теперь убедился? — тихо и как-то буднично проговорил Гэл, швыряя в костёр почти погасшую головню. — Всегда слушайся старших, глядишь — и проживёшь чуток подольше!

Он опустил на прежнее своё место, а ошеломленный Стив некоторое время всё продолжал и продолжал тревожно-внимательно всматриваться в обманчивую темноту ночного леса. Потом и он облегчённо вздохнул, вытер тыльной

стороной ладони обильный холодный пот, внезапно выступивший на лбу, чуть поколебавшись, тоже опустился на прежнее место у костра. Некоторое время оба воина молчали... потом Стив вздохнул.

— Я б, кажется, отдал тысячу золотых, только бы оказаться как можно дальше от этого проклятого леса! — произнёс он вполголоса. — Даже две тысячи золотых! А ты, Гэл?

— А у меня нет двух тысяч золотых! — равнодушно отозвался Гэл. — И тысячи тоже нет! — он зевнул, подбросил в костёр несколько увесистых сучьев и неожиданно подмигнул Стиву. — Поскорее бы нас сменили! Спать охота!

— И ты сможешь спокойно уснуть после всего этого! — невольно воскликнул Стив. — А что, если наши сменщики проворонят такую же тварь! Или эта вдруг вернётся... что тогда?!

— Я предупрежу их! — губы Гэла растянулись вдруг в невесёлой кривой усмешке. — Впрочем, если они её всё же проворонят, тогда...

Он замолчал.

— Тогда, что? — жадно переспросил Стив. — Что, тогда?

— Тогда ты и испугаться по-настоящему не успеешь! — Гэл снова невесело усмехнулся. — А во сне... во сне смерть, она лёгкая!

— Спасибо, утешил! — дрожащими пальцами юноша хватил палку подлиннее, принялся

лихорадочно перемешивать ей светящиеся угли костра. — Ты здорово умеешь утешать, ничего не скажешь!

— А вот и смена! — оглянувшись, произнёс Гэл. — Дождались таки!

Глава 2

Утром Стива разбудил протяжный привычный звук боевого рога. Ёжась от холода, он встал, огляделся вокруг.

В белёсой утренней полумгле вокруг копошились люди, поднимаясь, приводя в порядок оружие и амуницию. Позавтракав на скорую руку и вновь оседлав коней, воины небольшого отряда двинулись в дальнейший путь.

Тревожная ночёвка на промозглой, твёрдой как камень земле — не лучший вид отдыха, поэтому все без исключения воины были с утра хмуры и малоразговорчивы.

Некоторые из них, несмотря на запрет, вообще, откровенно дремали в сёдлах... Впрочем, Гаай и Рээб, по-прежнему находившиеся впереди колонны, были как всегда внимательны и насторожены, и это успокаивало. Стив, ехавший как и раньше сразу же вслед за Рээбом, тоже бодрствовал, но совершенно по другой причине. У него вдруг зверски разболелась голова, и это

печальное обстоятельство мешало юноше последовать соблазнительному примеру старших товарищей и урвать ещё немного сна украдкой.

Впрочем, благодаря именно сему обстоятельству Стив первым успел заметить новую опасность, угрожающую небольшому отряду.

— Там! — крикнул он, приподнимаясь на стременах и выбрасывая вперёд правую руку. — Я что-то заметил там, справа!

Разбуженные неожиданным возгласом юноши, воины мгновенно преобразились, что свидетельствовало об их огромном боевом опыте. Всего мгновение назад все они молча клевали носами, чуть покачиваясь из стороны в сторону... и вот уже в руках каждого из них сверкает оружие. Внимательно и настороженно люди обшаривали взглядами густые заросли кустарника, тянущиеся бесконечной стеной по обеим сторонам от узкой лесной дороги и временами подходившие к этой дороге вплотную.

Рээб повернулся к Стиву.

— Что именно ты заметил, мой мальчик? — спросил он неожиданно мягко. — Это был человек?

— Не совсем! — Стив отрицательно мотнул головой. — Это было... оно было намного крупнее человека! Оно... она... мерзкая волосатая тварь с красными круглыми глазами, с клыками как у волка... — Стив судорожно вздохнул. — Но она,

тварь эта, в то же время напоминала человека, уродливого человека! Поняв, что обнаружена — тварь тотчас же исчезла в зарослях...

— Это оборотень! — проворчал Гаай, пряча меч в ножны, одновременно с этим он торопливо отстёгивал от седла арбалет. — Внимание всем! — повелительно крикнул он, не оборачиваясь. — Здесь оборотни! Всем приготовить арбалеты... стрелы только с серебряными наконечниками!

Все воины, включая однорукого Гэла, быстро и точно исполнили это приказание предводителя. Гэл, несмотря на отсутствие левой кисти, стрелял из арбалета удивительно метко. Вот только заряжать арбалет ему приходилось в два раза дольше, чем всем остальным воинам.

Движение отряда несколько замедлилось. Воины ехали, направив заряженные арбалеты на густые заросли кустарников по обе стороны от дороги. Поводья они отпустили... умные лошади, словно понимая всю сложность ситуации, двигались теперь сами, не сбиваясь и поддерживая прежнюю дистанцию. Время шло, напряжение всё возрастало... но оборотня словно и след простыл.

— А тебе не почудилось часом? — обратился к Стиву его сосед, угрюмый чернобородый воин средних лет. — Спросонья.

— А я не спал! — в голосе Стива явственно прозвучала обида. — В отличие от тебя!

— Ну, тогда от страха!

Чернобородого воина звали Торин, и он в течение всего похода постоянно изводил Стива своими едкими и довольно остроумными насмешками, отвечать на которые аналогично Стив так ни разу и не решился. Как-никак, Торин был намного старше его, опытнее в военном деле, а Стив с самого раннего детства привык уважать старших. К тому же сам Гаай всячески отличал Торуна из общей массы воинов... они, кажется, были давними друзьями, а может и побратимами, кто знает...

— Ну, так как? — всё не унимался Торин. — От страха или спросонья?

В это самое время Стив краешком глаза успел заметить, как почти неуловимо шевельнулись ветви кустарника справа от него, мгновенно повернулся в ту сторону, инстинктивно вскидывая перед собой арбалет. И почти одновременно с этим его движением тёмная волосатая фигура оборотня легко и совершенно бесшумно взмыла вверх из густых зарослей прямо по направлению к юноше. Охваченный диким ужасом и почти уже ничего не соображая, Стив успел всё же, совершенно не целясь, нажать на спусковой крючок. И, о чудо! — тяжёлая арбалетная стрела с глухим хлюпающим звуком вонзилась прямо в красноватый светящийся глаз чудовища. Пронзительно взвизгнув от боли,

оборотень дважды перекувыркнулся в воздухе и тяжело обрушился вниз, в заросли, с хрустом обламывая собой ветви. Опомившись, наконец, от пережитого, Стив судорожно вздохнул, опустил арбалет... и вдруг обнаружил, что и все воины, и оба предводителя молча смотрят на него.

— Молодчина, юноша! — восхищённо воскликнул Рээб. — Мастерский выстрел!

Стив принял эту похвалу предводителя, польщённый и смущённый одновременно. С одной стороны, этот его удачный выстрел был чистойшей воды случайностью, он-то и прицелиться толком не успел... но с другой стороны... Ведь оборотня он всё-таки убил!

Или не убил?

Два воина с арбалетами наготове уже подъезжали вплотную к зарослям.

— Ну что там? — нетерпеливо крикнул Рээб. — Готов?

— Готов! — отозвался один из воинов. — Уже оборачиваться начал!

— Начал? — Рээб нахмурился. — Так это — он?

— Он! — кивнул воин, настороженно осматриваясь вокруг.

Стив заметил, что все остальные воины тоже насторожились, приподняли арбалеты.

— Ладно, поехали! — буркнул Гаай. — Не

исключено, что он был один. Впрочем, осторожности терять не следует! — тяжёлый взгляд предводителя задержался на Стиве. — На твоём месте я бы снова зарядил арбалет, юноша! — обветренные губы Гаая растянулись вдруг в редкую для него усмешку. — Не хотелось бы терять по глупости такого прекрасного стрелка.

Пристыженный Стив поспешно зарядил арбалет новой стрелой с серебряным наконечником. Отряд продолжал двигаться всё так же медленно, воины по-прежнему держали на прицеле зелёные стены кустарника по обе стороны от дороги.

— Не понимаю, чего мы сейчас боимся? — Стив искоса посмотрел в сторону Торина. — Ведь я... я же прикончили его! Или нет?

— Оборотни обычно парами ходят! — отозвался Торин без обычной своей ядовитой насмешливости. — Он и она, вместе. Его мы завалили... вернее, ты завалил! — Торин вдруг запнулся, почему-то вздохнул. — Лучше бы мы её завалили!

— Почему, лучше её? — Стив снова бросил торопливый взгляд в сторону соседа. — Она что, мстить будет?

— Оборотни не мстят! — пробурчал Торин, внимательно всматриваясь в обманчиво-густую зелень. — Нет у них этой дурацкой человеческой привычки!

— Тогда чем же она так опасна? — не унимался Стив. — Почему бы ей не уйти просто...

— Ей пара нужна! — Торин на мгновение оторвался от созерцания зарослей, бросил быстрый взгляд в сторону юноши. — Слушай, отвяжись, а! — в голосе его вновь слышались такие знакомые Стиву, ядовито-насмешливые нотки. — Что ты за птенец такой желторотый, ничего не знаешь!

Он снова повернулся в сторону зарослей, казалось, совершенно забыв о самом существовании Стива. Юноше ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Зелёные сплошные стены кустарника медленно проплывали мимо... некоторые, более длинные ветви почти касались одежды... и где-то среди густых зарослей затаился оборотень... вернее, затаилась. И вот теперь эта тварь хочет напасть на них! Зачем, с какой целью? Пару себе искать — сказал Торин. Пускай в лесу ищет, они тут причём!

— Всем глядеть в оба! — не оборачиваясь, внезапно крикнул Гаай. — Что-то подсказывает мне...

Что именно хотел сказать дальше предводитель, так и осталось невыясненным, ибо в это самое мгновение оборотень и произвёл нападение. На этот раз атака лесной твари была

произведена слева от колонны, и объектом нападения оказался ни кто иной, как сосед Стива, чернобородый Торин. Почему-то он замешкался, не успев вовремя среагировать... вернее, он-то вскинул арбалет, но выстрелить из него так и не смог. Впрочем, трудно было винить Торина в этой, губельной для себя промашке: прыжок оборотня был молниеносно быстрым, да и прыгал он с более близкого расстояния, чем тот, первый. Обернувшись на вскрик Торина, Стив успел только разглядеть широкую волосатую спину оборотня, уже исчезающего в кустарнике со своей добычей. Почти машинально Стив вскинул арбалет... звякнула стрела... и Стив с удовлетворением понял, что снова не промахнулся. Стрела вонзилась в спину волосатой твари... оборотень, выпустив добычу, с глухим рёвом бросился в кусты, ломая и подминая их. Впрочем, успев сделать всего несколько шагов, чудовище рухнуло наземь, мгновенно исчезнув, так, словно зелёная стена леса поглотила зловещую тварь...

Снова Стив оказался на высоте, но теперь никто даже внимания не обратил на это, не до того было. Колонна смешалась, сгрудилась... кто-то из воинов, изловчившись, сумел схватить за узду сбесившуюся от страха лошадь Торина и остановить её. Все молчали... странно, но никто и не подумал даже броситься на помощь самому

Торину, беспомощно лежавшему ничком посреди изломанных зарослей.

Стив уже сам хотел спешиться и поспешить на помощь товарищу, как вдруг Торин, пошевелившись, тяжело перевернулся на спину, потом он сел, держась рукой за шею. Между пальцами у него текла кровь, обильно, струйками... но главное, что он был жив! Жив!

И вновь никто даже не пошевелился, чтобы хоть как-то помочь ему... и Стив вдруг понял, что это неспроста. Обычно войны спасали даже смертельно, безнадежно раненых, по крайней мере, пытались спасти, часто рискуя из-за этого собственной жизнью и даже погибая порой... но теперь это было что-то другое, но что именно — этого Стив пока так не смог понять...

— Убейте меня! — прохрипел вдруг Торин, не отрывая пальцев от окровавленной шеи. — Убейте скорее!

«Что он говорит? — мысленно ужаснулся Стив. — Что он говорит такое?»

Но на остальных воинов необычная просьба Торина не произвела, казалось, такого впечатления, как на Стива, во всяком случае, она их несколько не удивила. Снова никто из воинов даже не сделал попытки придти на помощь гибнущему товарищу. Более того — войны по-прежнему держали наготове заряженные арбалеты и направлены все

эти арбалеты были именно на Торина.

— Убейте меня! — отчаянно выкрикнул Торин, и кровь алой струйкой потекла у него изо рта, глаза воина вдруг померкли, закатились, обмякшее тело забилося в предсмертных судорогах. — Убейте... скорее...

Сразу несколько воинов, подняв арбалеты, прицелились в Торина, но Гаай знаком руки остановил их.

— Я сам! — произнёс он негромко и, спешившись, пошёл к поверженному воину с арбалетом наготове, не доходя пару шагов до умирающего, он остановился. — Торин, ты меня ещё слышишь? — произнёс Гаай дрогнувшим голосом. — Ты ещё слышишь меня?

С трудом приоткрыв глаза Торин посмотрел на Гаая.

— Это я, Торин! — всё так же негромко проговорил Гаай. — Ты меня узнал?

Мутные глаза Торина немного прояснились, он слабо кивнул.

— Я всё сделаю для тебя, можешь быть спокоен! Я сделаю всё, как надо!

— Спасибо, Гаай! — тихо и умиротворённо прошептал Торин. Глаза его вдруг остекленели, изуродованное тело, дёрнувшись в последний раз, наконец-таки замерло, и Стив понял, что Торин мёртв.

— Ну вот! — пробормотал Гэл, неизвестно как успевший оказаться совсем рядом с юношей. — Сейчас начнётся самое страшное!

— Самое страшное? — Стив недоуменно посмотрел на Гэла. — Разве Торин не умер?

— Торин умер! — Гэл вздохнул и добавил: — Умер, но...

— Но что?

— Тебе лучше не смотреть на всё это! — уклончиво пробормотал Гэл. — Впрочем... — он вновь вздохнул, — всё надо когда-нибудь увидеть, так что... смотри! Внимательно смотри!

Всё ещё не совсем понимая, о чём идёт речь, Стив с недоумением уставился на неподвижное тело Торина. Гаай стоял прямо над трупом с арбалетом наизготовку, остальные воины тоже всё ещё не опускали оружия.

«Ничего не понимаю! — мелькнуло в голове у Стива. — Он же умер! Чего им теперь бояться?»

Неподвижное до этого тело Торина вдруг слегка шевельнулось и все как один воины дружно скинули к плечам арбалеты... кроме Стива, конечно, его-то арбалет даже не был заряжен...

— Не стрелять! — повелительно крикнул Гаай. — Я сам!

Тело Торина вновь зашевелилось. Вытянутая вдоль тела правая рука покойника немного согнулась в локте, скрюченные в предсмертной

судороге пальцы, вновь обретя подвижность, яростно заскребли гнилую палую листву... с пальцами что-то происходило, странное что-то... странное и даже пугающее. Удлиняясь и утолщаясь прямо на глазах, пальцы эти покрывались к тому же грубой коричневой шерстью, плоские человеческие ногти, заостряясь и округляясь, быстро превращались в длинные и острые когти-кинжалы. Потрясённый до самой глубины души Стив перевёл взгляд на лицо Торина и едва не вскрикнул от неожиданности. Торина больше не существовало — распростёршись, на земле лежало бурое уродливое чудовище. Вздрагивая и извиваясь, оно быстро разбухало, увеличиваясь в размерах. Не выдержав внутреннего этого напряжения с треском, в ключья разрывалась одежда воина... и вот уже со звоном лопнула на груди монстра прочная стальная кольчуга, обнажая широчезную волосатую грудь мерзкой твари...

— Стреляй, Гаай! — закричал Рээб. — Чего ты тянешь! Стреляй!

Но Гаай всё ещё медлил почему-то... а чудовище, приоткрыв красные светящиеся глаза, вдруг издало протяжное волчье рычание, гортанное и угрожающее.

— Стреляй, Гаай! — снова прокричал Рээб и в голосе его Стив с удивлением услышал какие-то панические нотки, что ли... — Скорее!

— Прости, Торин! — произнёс Гаай, медленно поднимая арбалет. — Прости и прощай!

Чудовище вдруг, мерзко взвизгнув, рванулось в его сторону... и тут же тяжёлая арбалетная стрела снова опрокинула оборотня навзничь, ударив его точно в левую половину груди. Последнее, леденящее душу, угрожающее рычание вырвалось из раскрытой клыкастой пасти, потом уродливая тварь вздрогнула в последний раз, издало какой-то почти жалобный то ли вздох, то ли всхлип... и вот уже она замерла окончательно...

— Ну, вот и всё! — еле слышно пробормотал Гэл. — Теперь действительно всё!

На глазах у ошеломлённого Стива происходил быстрый процесс обратного перевоплощения оборотня в его жертву. Впрочем, Стив разглядел это обратное превращение плохо, перед глазами у него всё кружилось и расплывалось. А когда, наконец, зрение юноши пришло в норму, на земле перед им лежал уже прежний Торин, спокойный и умиротворённый. Впрочем, не совсем прежний: одежда и кольчуга воина были разорваны сверху донизу... страшная кровавая рана на шее уже почти не кровоточила.

Тронув поводья, Стив отъехал чуть в сторону и испытал вдруг новое, ещё более сильное потрясение. Среди сломанных и придавленных ветвей кустарника, там, где нашло себе последнее

пристанище чудовище, напавшее на Торина и чуть позднее убитое им, Стивом, он обнаружил вдруг мёртвую обнажённую девушку удивительной красоты. Девушка лежала ничком, прижавшись к земле правой щекой и широко раскинув в стороны тонкие, изящной формы руки... густые светло-золотистые её волосы в красивом беспорядке раскинулись по белым плечам. Из спины незнакомки торчала короткая арбалетная стрела... его стрела...

Кто-то вдруг тронул Става за плечо. Резко обернувшись, он увидел рядом с собой Гэла.

— Ничего, малыш! — произнёс почти ласково однорукий воин. — Ничего! Ты только не думай о себе, как о её убийце! Ты убил не её! Ведь она умерла раньше, гораздо раньше... а это... — Гэл вздохнул. — Понимаешь, это лишь оболочка... пустая оболочка и ничего больше!

— Да, но ведь оборотень мог принимать и этот облик, разве не так? — мимоходом заметил кто-то из воинов. — Именно в таком вот облике они предпочитают завлекать в чашу неосторожных путников, да ещё и разговаривают с ними. Разве это не так?

— Так! — согласился Гэл, снова вздохнув. — Но всё равно это лишь оболочка! Двигающаяся, говорящая, призывно улыбающаяся даже, если это необходимо оборотню... но всего только оболочка!

К ним подъехало ещё несколько воинов.

— Нездешняя! — негромко произнёс один из них, смуглый и худощавый. — Интересно было бы узнать, откуда она родом? Где живут женщины с такими вот золотыми волосами?

— Повезло Торину! — многозначительно заметил его напарник, широкий, плотный толстяк с лоснящейся физиономией. — От такой подружки в заоблачном мире и я бы не отказался!

— Попридержи язык! — резко оборвал его Гэл. — Торин мёртв и тело его ещё не остыло!

Стив посмотрел вправо, туда, где несколько воинов торопливо подготавливали погребальный костёр для павшего воина. Одновременно костёр этот предназначался и странной золотоволосой девушке, ещё не принадлежавшей Торину и уже почти принадлежавшей ему. Вот два воина осторожно возложили мёртвое тело товарища на деревянный настил, потом они медленно направились в их сторону, за девушкой. Воин, исполняющий в походе обязанности младшего жреца, громко, нараспев, принялся произносить подходящие к данному конкретному случаю заклинания.

В заоблачном мире... — снова начал толстяк и снова Гэл его перебил.

— Что мы знаем о заоблачном мире! — сказал он с еле заметной горечью. — Только то, что никто

ещё не смог вернуться оттуда и хоть что-нибудь поведать нам о том, как оно там на самом деле. Ну, а те басни, что вещают нам жрецы...

Не договорив, Гэл замолчал. Подошедшие воины легко подхватили тело девушки и понесли его в сторону будущего костра. Глядя им вслед, Стив ощутил вдруг странную какую-то зависть к мёртвому Торину, которого ждёт в скором времени там, в заоблачном мире, волнующая встреча с этой золотоволосой красавицей. Как же горячо будет она благодарить воина за своё, вырванное из лап лесной нечисти, тело... и вся её эта благодарность и все её ласки будут отданы именно Торину, хотя стрела, остановившая оборотня, принадлежала ему, Стиву! Стиву вдруг страстно захотелось оказаться сейчас на месте убитого воина... а впрочем, кто знает! Гэл прав в одном: никто ещё не вернулся из заоблачного мира и не поведал живым, как оно там в действительности.

— Ты сомневаешься в правдивости слов жрецов?! — закричал вдруг толстяк и Стив, испугавшись, решил, было, что этот, неприятного вида воин, каким-то таинственным образом смог проникнуть в сокровенные мысли юноши, но потом понял, что толстяк обращается к Гэлу. — А, может, ты сомневаешься и в самом учении семерых святых мудрецов?!

И без того маленькие глаза толстяка

превратились теперь в узенькие щёлки. Ими он, казалось, пронизывал насквозь однорукого воина, но Гэл только пренебрежительно шевельнул широкими плечами и отвернулся.

— Ты сомневаешься в святых мудрецах?! — снова взвизгнул толстяк и снова Гэл полностью его проигнорировал.

— Я поеду теперь рядом с тобой, — сказал он, обращаясь к Стиву. — Ты не возражаешь?

— Нет, разумеется! — Стив всё смотрел и смотрел в сторону будущего погребального костра, там тело девушки уже возложили рядом с телом Торина, так, чтобы одной рукой она обнимала мёртвого воина. В это же время походный жрец закончил, наконец, малопонятное своё бормотание и отошёл в сторону. Гаай с пылающим факелом в правой руке занял его место... вот он поднёс этот факел к самым нижним сучьям. Костёр разгорелся почти сразу, огромное багровое пламя взметнулось высоко вверх, и это было добрым знаком. — Нет, я не против! — повторил Стив, поворачиваясь к Гэлу и сглатывая тугой солёный комок, подкатившийся к горлу. — Я буду очень рад, если ты будем рядом!

— Я так и думал, — просто сказал Гэл и, по-прежнему игнорируя возмущённо пыхтящего толстяка, повернул коня в сторону ярко полыхающего погребального костра.

Глава 3

К полудню характер местности заметно изменился. Деревья уже не стояли по обе стороны дороги сплошной высоченной стеной... между ними начали появляться первые просветы, а кое-где даже поляны. Да и сами деревья сделались заметно ниже и уже не заслоняли своими могучими кронами всё небо без остатка. Сейчас сквозь ажурное кружево их листвы заметно просвечивалась над головами воинов его голубизна, даже лучи солнца нет-нет, да и проникали сюда, вниз, рассыпаясь золотистыми пятнами по редкой лесной траве, явно не избалованной солнечным изобилием.

Настроение людей тоже заметно улучшилось, несмотря на недавнюю страшную гибель товарища. Они были воинами, и смерть всегда бродила неподалёку от них... потому-то люди и стремились жить одним лишь сегодняшним днём, стараясь взять от него, что только можно, пусть это будет всего только яркий солнечный зайчик на лесной дороге, тем радостнее смотреть на него сейчас, после вчерашнего ненастья. Впрочем, нападение оборотней не было забыто — люди держались особенно насторожено, несколько воинов по-прежнему сжимали в руках заряженные арбалеты.

Стиву очень хотелось надеяться, что

постепенное изменение ландшафта — верный признак того, что они уже приблизились к границе Чёрного леса и, может быть, сегодня к вечеру смогут оказаться вне его пределов. Но когда юноша поделился своими соображениями с Гэлом, ехавшим рядом, тот только невесело рассмеялся и отрицательно покачал головой.

— Не хотелось бы сильно разочаровывать тебя, малыш, — произнёс он мягко и даже с нотками сожаления в голосе, — но до границ Чёрного леса ещё ох как далёко! Мы, собственно, ещё и не въехали в него по-настоящему...

Стив промолчал, но про себя подумал, что Гэл всё-таки преувеличивает. Ну, пусть не сегодня... хоть завтра должны же они, наконец, выбраться из проклятого этого места! Не может же этот лес тянуться до бесконечности!

Или может?

Рээб, ехавший впереди, вдруг попридержал свою лошадь, и Стиву ничего не оставалось, как только последовать его примеру. Воины позади их тоже постепенно останавливались, не понимая, в чём собственно дело. Послышались встревоженные возгласы.

Впрочем, ничего страшного не произошло, просто впереди оказалась развилка и обе дороги были совершенно одинаковы, так что неизвестно было по какой из них двигаться отряду дальше.

Вытащив из дорожной сумки потёртый кусок пергамента, Рээб принялся тщательно его изучать.

— Никакой развилки тут быть не должно! — произнёс он, наконец, упавшим голосом. — На карте вообще нет развилок!

— Этой карте лет сто! — Гаай насмешливо хмыкнул. — А может и все двести! Как можно верить такой древности!

Рээб пожал плечами, торопливо спрятал пергамент в сумку.

— Другой у нас всё равно нет! — буркнул он с раздражением. — А эта до настоящего времени нас не подводила!

— До настоящего времени! — прервал его Гаай. — Ну, а в настоящее время, что делать будем?

Не отвечая, Рээб вновь вытащил карту, принялся её внимательно разглядывать.

Стиву очень хотелось хоть мельком, хоть глазом одним взглянуть на старинную эту карту, просто, чтобы попытаться определить, где именно они сейчас находятся, в какой из частей Чёрного этого леса. Но предводители были явно не в духе, и, кажется, даже в чём-то упрекали друг друга, и Стив так и не решился осуществить своё намерение. Более того: повернув лошадь, он попытался, насколько это было возможно, отдалиться от них как можно дальше, давая возможность начальству решить возникшие между ними проблемы наедине

и без излишних свидетелей.

Проблемы свои начальство решило на удивление быстро. Сначала Гаай, а за ним и Рээб, свернули на правое ответвление дороги, и воины послушно потянулись вслед за предводителями. Впрочем, не все...

— Почему мы свернули сюда, Рээб?! — выкрикнул из задних рядов пожилой воин с длинной седой бородой и с головой, кое-как перевязанной окровавленными тряпками. — Ты что, так уверен, что именно это направление приведёт нас домой?!

Рээб ничего не ответил, а Гаай, круто повернувшись в седле, внимательно и с некоторым даже удивлением посмотрел в сторону седобородого воина.

— Мы свернули сюда, потому, что мы так решили! — произнёс он с холодным высокомерием в голосе, всячески подчёркивая это самое «мы». — А решили мы так потому, что вы сами выбрали нас своими предводителями и этим дали нам право решать! Впрочем, — Гаай усмехнулся, но глаза его не улыбались, они смотрели на седобородого воина с прежним холодным выражением, — тебя никто не удерживает, старик! Можешь свободно ехать по той дороге, которую выберешь для себя сам! Я разрешаю!

— Кром! — приподнявшись на стременах,

выкрикнул седобородый. — Меня зовут Кром, а не старик!

— Я запомню! — с какой-то скрытой угрозой в голосе пообещал Гаай и, отвернувшись, дёрнул поводья, ускоряя ход лошади и давая седобородому понять, что разговор с ним окончен.

На Стива эта короткая стычка произвела крайне неприятное, и даже гнетущее впечатление. Поведение этого старика Крома было явно вызывающим и совершенно даже недопустимым в боевых условиях, в коих небольшой отряд уцелевших воинов по-прежнему находился. Не удивительно, что Гаай вышел из себя. Впрочем, он-то из себя почти не вышел, наоборот, Гаай вёл себя так, как и следует вести истинному предводителю, не опускаясь до перебранки с простым воином. Да и в чём он был не прав? По какой-то из дорог всё равно пришлось бы ехать, так почему не по этой...

Стив почему-то был почти уверен, что, сверни Гаай на левую дорогу, реакция старого Крома была бы в точности такой же.

— Он был когда-то великим воином! — тихо проговорил Гэл, наклоняясь поближе к Стиву. Стив не сразу и понял, что говорит Гэл именно о старике Кrome. — Он учил меня воинскому искусству, а как-то раз в бою спас мне жизнь! Я был... — невесёлая улыбка вдруг перекосила обветренное

лицо воина, — был тогда совсем зелёным юнцом, вроде тебя...

Гэл замолчал, уносясь в какие-то свои, неизвестные Стиву воспоминания, и, не желая тревожить его сейчас, Стив тоже ехал молча. Так они ехали довольно продолжительное время, наконец, Стив не выдержал.

— Но почему он попытался оспорить решение предводителей? — шёпотом спросил он Гэла. — Неужели он и в самом деле уверен, что мы повернули не туда?

Гэл пожал плечами.

— Кто из нас сейчас может быть хоть в чём-то уверенным!

— Тогда почему он так спорил?

Гэл оглянулся, как бы разыскивая взглядом старого Крома, потом он вновь посмотрел на Стива.

— Почему он спорил? — переспросил Стив.

— Трудно сказать, малыш! Все мы устали, издёргались, разве не так? Кроме того... — Гэл умолк на мгновение, снова бросил назад косой быстрый взгляд, — в последнем бою у селения погибли два его сына! Два из трёх, понимаешь!

— Понимаю! — Стив помолчал мгновение. — А третий?

— Третий едет сейчас рядом с отцом. Кто знает, может быть, старик опасается потерять и его тоже...

— Не разговаривать! — не оборачиваясь, повелительно крикнул Гаай и воины послушно умолкли.

Последующие несколько часов небольшой отряд продвигался вперёд без особых неожиданностей и приключений. Страшный Чёрный лес выглядел в этой своей части вполне миролюбиво и даже в чём-то привлекательно. Он ещё более поредел, всё чаще то справа, то слева от дороги виднелись небольшие прогалины, встречались, время от времени, и довольно внушительные разрывы сплошного лесного массива. Всё это вместе взятое настраивало Стива на оптимистический лад. Возможно, что Гэл ошибся в своих расчётах, и они действительно приближаются к лесной окраине, а дальше пойдут уже более обжитые и, главное, более безопасные места.

А к вечеру, когда и предводители, и рядовые воины начали уже подумывать о предстоящем привале и ночлеге, добрые лесные духи смиловались, наконец, над измученными, изголодавшимися всадниками и послали им обильную трапезу в облике целого стада карликовых лесных буйволов, неожиданно появившихся из чащи прямо перед отрядом.

Карликовые буйволы внешним своим видом и повадками походили на обычных лесных буйволов,

но отличались от своих огромных и свирепых нравом сородичей кротким и пугливым даже нравом, а также небольшими относительно размерами. Вес взрослого быка карликовых буйволов никогда не превышал, к примеру, веса средней боевой лошади... самки и молодняк был ещё мельче. Впрочем, мясо карликовых буйволов было не только съедобно, но и ценилось несравненно выше жёсткого, жилистого мяса их крупных сородичей.

Гаай, как и положено предводителю, первым сориентировался в обстановке. Вытаскивать арбалет времени не было и он, мгновенно приподнявшись на стремянах, со страшной силой метнул свой боевой топор в вожака стада. Ни глаз, ни рука и на этот раз не подвели опытного воина — блестящее остриё топора глубоко вонзилось в спину животного, почти перебив ему позвоночник. Глухо и угробно взревев, буйвол замертво рухнул прямо посреди дороги, а пока ошеломлённое и напуганное предсмертным рёвом вожака стадо разворачивалось для панического бегства, арбалетные стрелы воинов свалили ещё двух бычков помоложе. Тяжёлые дальнобойные стрелы вполне могли достать ещё несколько животных, но воины стрелять больше не стали и дали стаду возможность спокойно уйти. Еды и так хватало с избытком, просто же убивать животных ради

развлечения большинство воинов не любило.

Ужин, в отличие от вчерашней скромной трапезы, вышел на славу. Плотно и с аппетитом поужинав и позаботившись о лошадях, люди стали и сами готовиться к предстоящему ночлегу. Они нарубили целые охапки длинных веток колючего кустарника, в изобилии растущего неподалёку. Связав его в вязанки, воины плотно огородили территорию ночлега настоящим колючим валом, оставив единственное свободное место для караульного костра и набросав возле него внушительный запас топлива. После этого все воины, исключая двух караульных, принялись укладываться на ночлег.

Воины, дежурившие в прошлую ночь, вообще не тащили жребий, так что Стив, измученный донельзя за дневной этот переход, уснул почти сразу же, как только голова его коснулась жёсткой и влажной поверхности седла. Уснули и остальные воины, и ночь эта прошла спокойно, на удивление спокойно...

А под самое утро, когда уже почти рассвело, на их стоянку напали, неведь откуда взявшиеся, бродячие деревья.

Это были странные и страшные создания, полурастения-полуживотные, кошмарное порождение Чёрного леса, нигде, кроме здешних мест, не встречающиеся. Большую часть времени

эти исполины, подобно настоящим деревьям, вели неподвижно-растительный образ жизни, сосуществуя с настоящими древесными гигантами, а вернее, паразитируя на них. Впиваясь своими упругими острыми корнями в корни сразу нескольких соседних деревьев, бродячее дерево жило за их счёт, высасывая из своих обречённых соседей все жизненные соки. Всё это занимало от нескольких месяцев до нескольких лет... потом бродячее дерево меняло место проживания, благо, деревьев в Чёрном лесу хватало.

Но время от времени на эти странные создания нападала вдруг настоящая тяга к бродяжничеству, связанному, скорее всего, с вполне определённой целью: добычей для своего гигантского организма определённого количества животной пищи, жизненно ему необходимой. Тогда, вытащив из почвы упругие гибкие свои корни и используя их в качестве нижних конечностей, дерево-хищник начинало своё бесконечное блуждание по лесу в поисках добычи, не пренебрегая при этом ни одним из встреченных животных независимо от их габаритов и степени защищённости. Впрочем, передвигалось бродячее дерево медленно и довольно-таки неуклюже, убежать от него ничего не стоило. Все жертвы свои дерево получало, затаиваясь возле лесных дорог и тропинок. Бродячие деревья умели ждать, днями,

неделями даже могли они находиться в полной неподвижности, умело маскируясь при этом под соседние, вполне обычные и безобидные деревья.

Им это легко удавалось, тем более, что были они всё же больше растениями, нежели животными: и по внешнему своему облику, и в особенности в том, что касалось их размножения. Ранней весной каждое из этих деревьев, достигшее определённого возраста, покрывалось вдруг совершенно в одночасье сплошными огромными гроздьями белоснежных или чуть голубоватых соцветий, распространяющих на сотни метров вокруг себя восхитительно-сладковатый и пьянящий запах. Лесные насекомые, в первую очередь, пчёлы, слетались в этот период на бродячие деревья в огромном количестве. Пчёлы несли нектар в дупла, из нектара получался мёд, непохожий на обычный пчелиный мёд. Кроме восхитительного вкуса и аромата, мёд этот обладал исключительными целебными свойствами. Даже незначительная примесь его резко повышала стоимость мёда лесных пчёл. Вот почему многие смельчаки готовы были рисковать всем, даже жизнью, забираясь глубоко в чащобу Чёрного леса с одной-единственной целью — добычей лесного мёда. Увы, только в одном дупле из ста лесной мёд содержал более-менее ощутимую примесь нектара бродячих деревьев и лишь один искатель мёда и

приключений из каждой дюжины ушедших возвращался домой, если и не вполне целым и невредимым, то хотя бы живым. Всё это ещё более увеличивало стоимость целебного мёда, тем более, что подделать его вкус и аромат, а уж тем более его целебные свойства было практически невозможно.

Но бурным кратковременным цветением и последующим опылением цветков насекомыми сходство размножения бродячих деревьев с размножением настоящих растений и заканчивалось. Из опылённых соцветий возникали плоды с весьма странными «семенами». «Семена» эти напоминали скорее небольших насекомых с одной парой крыльев... они массами вылетали из лопающихся плодов и тут же разлетались в разные стороны, стараясь сразу же отлететь от родительского дерева на максимально далёкое расстояние, ибо тонкие прозрачные крылья их были весьма недолговечны и уже в полёте начинали быстро крошиться. Потеряв крылья, «семена», напоминающие теперь скорее червей, нежели насекомых, зарывались в почву и, наткнувшись на первый же попавшийся на пути корешок обычного дерева, немедленно к нему присасывались. Далее «червячки», усиленно питаясь жизненными соками обречённого на гибель растения, быстро росли, увеличивались в размерах. При этом они постепенно теряли своё сходство с животными,

обретая одновременно типично растительные черты. От корня вверх отходил побег, и молодое бродячее дерево начинало своё длительное индивидуальное существование, уже не меняясь внешне, за исключением размеров. Первые несколько лет жизни дерево оставалось на прежнем своём месте, быстро увеличиваясь в размерах. Затем, в один далеко не прекрасный для всех иных лесных обитателей день, высвободив из земли свои короткие упругие корни, молодое дерево начинало первое самостоятельное путешествие, добавляя в растительный свой рацион всё больше и больше животной пищи, на первых порах мелкой (мыши, ящерицы). Потом, по мере укрупнения самого дерева укрупнялись и размеры добываемых им животных.

Случалось так, что крылатые «семена» успевали долететь до самой окраины Чёрного леса и даже, вылетев за его пределы, оказаться где-то совсем неподалёку от человеческого жилища. Тогда там, рядом с селением начинало расти и развиваться молодое бродячее дерево. Чаще всего таких незваных «гостей» люди быстро распознавали среди других растений и немедленно после этого уничтожали. Но бывали случаи, когда, укрывшись в каком-либо небольшом леске или зарослях кустарника, бродячее дерево успевало достигнуть значительных размеров, прежде чем его

успевали обнаружить. Тогда могли случаться всяческие неприятности, и даже несчастные случаи, особенно с детьми... и не всегда, к сожалению, помощь взрослых приходила вовремя.

В детстве Стив и сам едва не оказался жертвой одного из таких бродячих хищников. Это случилось вскоре после гибели его родителей, когда он уже жил в семье дяди. Было ему тогда лет девять-десять, не больше.

Случилось так, что одно из таких деревьев забрело ночью в их селение. За ночь оно успело не только укорениться около дороги, но и полностью замаскироваться под соседнюю яблоньку, «отрастив» на себе не только листья, но и сочные румяные плоды, совершенно неотличимые от настоящих. А утром пришельца обнаружила местная детвора и, ничуть не удивившись выросшей за одну-единственную ночь «яблоньке», сразу же устремились полакомиться её крупными спелыми плодами, в изобилии свисающими с веток.

Стив ухитрился первым добежать до дерева и первым схватиться рукой за ближайший румяный плод. Но, к великому его изумлению, «яблочко» не желало легко отделяться от ветки, более того, оно, казалось, намертво к ней приросло, несмотря на все усилия мальчугана, выкручивающего свою добычу в самые разные стороны. Впрочем, тут же роли переменялись, и «яблочком» оказался сам

Стив. Ощутив, что добыча в пределах досягаемости, дерево-хищник враз отбросило всяческую маскировку: прямо на глазах у перепуганного и всё ещё ничего не понимающего ребёнка румяные округлые «яблочки» начали вдруг удлиняться, раскручиваясь в длинные гибкие плети, одновременно с этим исчезала листва, бесследно рассыпаясь в коре. Сообразив, наконец, в чём дело, испуганный Стив метнулся, было, назад, но чуть запоздал с этим. Сразу несколько гибких змееподобных веток-лиан взметнулось над его головой, молниеносно обвиваясь вокруг ног и туловища перепуганного мальчугана и вонзая, одновременно с этим, в тело ребёнка острые зазубренные иглы. Иглами этими богато были усажены ветки-лианы и выполняли иглы две главные задачи: затруднить жертве самую возможность освобождения и, одновременно с этим, вводя в её тело пищеварительные соки. Страшная боль буквально пронзила Стива, от боли и ужаса он не мог даже пошевелиться и, уже теряя сознание, почувствовал вдруг, как его тело легко отрывается от земли и плывёт куда-то по воздуху. Где-то далеко внизу, на самом пределе слышимости, испуганно завопили ребятишки... а впереди, там, куда и направляли жуткие эти щупальца беспомощное тело мальчугана, зияло отверстие и Стив успел ещё его хорошенько

разглядеть. Это была круглая, абсолютно чёрная дыра, затаившаяся в самой середине шевелящегося клубка ветвей. Острые белые зубы, похожие на зубы пилы, обрамляли страшное это отверстие и зубы эти беспрерывно двигались... а может это двигалась от нетерпения сама чёрная пасть...

Стива спасло то, что бродячее дерево, напавшее на него, было ещё совсем молодым, а потому — не особенно крупным. Оно ухватила себе добычу явно не по зубам... впрочем, возможно оно и сумело бы кое-как протолкнуть в себя Стива, но в это время, услышав детские вопли, на помощь подоспели взрослые жители селения...

Когда Стив очнулся — он лежал возле изгороди в окружении женщин, которые перевязывали многочисленные его раны и ранки, предварительно смазывая каждую специальной целебной мазью. Перед глазами мальчугана всё плыло и сливалось, сильно кружилась голова... но всё же Стив сумел разглядеть финальную часть расправы сельчан над его обидчиком: бьющееся в последней агонии дерево торопливо разрубали на куски и Стива вдруг поразил сок, вытекающий на землю из разрубленных веток — сок этот удивительно напоминал кровь, а может это и была кровь, кто знает...

Потом, уже подростком, Стиву пришлось и самому принимать деятельное участие в

уничтожении подобного дерева, тоже относительно небольшого, метра три в высоту, не более. Тем не менее, оно смогло оказать довольно упорное сопротивление нападавшим, двое-трое из них получили даже лёгкие ранения. Впрочем, сомнения в исходе сражения ни у кого не было. Убежать от человека бродячее дерево не могло, если бы даже и пожелало, впрочем, бродячие деревья никогда не использовали этот манёвр. Поэтому, плотно окружив его со всех сторон, люди принялись планомерно обрубать ветку за веткой. Каждую упавшую ветку, яростно извивающуюся и истекающую кроваво-красным соком, тотчас же подхватывали длинными железными щипцами и волокли к костру. Упав на раскалённые уголья, ветка как-то сразу съёживалась, чернела, а потом неожиданно ярко вспыхивала, сгорая почти без остатка. Когда ветви закончились, и дерево оказалось совершенно незащищённым, люди принялись за ствол, и Стив вновь увидел прямо перед собой чёрную зубастую пасть чудовища, свой ночной кошмар всё ещё нет-нет, да и врывающийся изредка в его детские сны. Теперь эта пасть не казалась особенно жуткой, она была, скорее, жалкой и вдобавок издавало какие-то скрипуче-тоскливые звуки. Но в сердце Стива не было жалости и, высоко взмахнув топором, он сам разрубил эту перекошенную жуткую пасть, как бы

уничтожая этим и то страшное детское воспоминание, столько раз заставлявшее его просыпаться среди ночи от собственного пронзительного вопля...

Но те бродячие деревья были ещё молодыми и небольшого, сравнительно, размера. Поэтому Стив и не подозревал даже, каких гигантских размеров могут достигать эти хищные твари за свою долгую, в несколько столетий, растительную жизнь.

Невероятным и даже необъяснимым было то, как смогли эти медлительные неуклюжие гиганты так вплотную приблизиться к людям. Это могли знать, разве что караульные, но как раз то караульные и погибли первыми, не успев даже поднять тревогу. Возможно, усталость взяла своё, и люди просто задремали возле угасающего костра, но, возможно, всё было по-другому. Одно из деревьев могло оказаться тут ещё с вечера, искусно замаскировавшись. Оно-то и могло в мгновение ока расправиться с дежурившими воинами.

Стив и сам не мог объяснить, что же всё-таки разбудило его. Но, приподняв голову и не обнаружив на привычном месте караульных, юноша не на шутку встревожился. Тем более, что и костёр уже давно погас и лишь только чуточку дымился.

Ещё не совсем рассвело, подальше к лесу и вообще ещё царил полумрак, но Стиву вдруг

показалось, что деревьев, плотным кольцом окружающих поляну, стало значительно больше, нежели вчера вечером. Намного даже больше.

Всё ещё ничего не понимая и не подозревая, Стив всё же сел и осторожно дотронулся рукой до плеча спавшего рядом с ним Гэла. И в то же самое время, когда Гэл, приподняв голову, недоуменно осмотрелся вокруг, длинные ветви одного из деревьев вдруг зашевелились, и всё сразу же стало предельно ясно.

— Тревога! — взревел Гэл, вскакивая на ноги и мгновенно обнажая меч. — Тревога!

Казалось, деревья только этого и ждали. Десятки гигантских ветвей-щупальцев взметнулись в воздух со свистом и каким-то устрашающим шипением. И каждое из этих щупальцев несло смерть.

Но все люди были уже на ногах, в руках многих из них сверкали мечи. Отбиваясь от свистящей над головами смерти, люди отчаянно пытались пробиться к лошадям. Седлать их было некогда, искать каждому свою лошадь — тем более. Люди просто перерубали мечами путы на передних ногах животных, тотчас же вскакивали на лошадей и мчались на них в ту сторону поляны, где всё ещё дымились жалкие остатки костра — именно в той стороне просвет между деревьями оставлял надежду на спасение. Остаться на месте и

сражаться на равных с лесными исполинами людям, конечно же, было не под силу.

Но, увы, далеко не всем удалось вырваться из смертельной западни.

Вот уже несколько щупальцев взметнулись вверх, унося в своих жестоких объятьях дико воющих и тщетно пытающихся вырваться воинов. Почти подбежав к лошадям, Стив увидел вдруг, как одно из этих исполинских щупальцев тесно обвилось вокруг чьей-то лошади и вздёнуло её вверх с той же лёгкостью, что и человека. Ошеломлённый этим зрелищем, юноша и сам едва не погиб. Его спасло только то, что, запоздало заметив несущееся навстречу ему щупальце, Стив попытался было отскочить в сторону — что его ничуть бы не спасло — но, поскользнувшись на мокрой траве, упал навзничь. И в ту же самую секунду огромное щупальце тяжело просвистело над самым его лицом и снова унеслось ввысь, как бы приготавливаясь к повторной атаке... ожившее детское воспоминание-кошмар. За это короткое мгновение Стив совершенно отчётливо сумел разглядеть превеликое множество ядовитых шипов на внутренней стороне щупальца, он даже смог заметить крошечные капельки яда, блестящие на каждом из этих зазубренных шипов. А там, вверху, притаилась чёрная зубастая пасть... какого же размера она у этого монстра?!

Откуда-то сверху вторично послышался ужасающий, леденящий душу свист, и новое (или то же самое) щупальце тяжело ударилось о землю совсем недалеко от юноши. Охваченный диким ужасом, Стив в мгновение ока вновь оказался на ногах... но ноги были как ватные, колени подгибались... в это время щупальце нашло, наконец, себе жертву, обрушившись сбоку на, пробежавшего мимо Стива, воина и мгновенно обвившись смертельным кольцом вокруг поясницы несчастного. Воин только и успел вскрикнуть, яростно и обречённо, взгляд его с мольбой остановился на Стиве, но юноша не мог даже пошевелиться, не то, чтобы броситься на помощь товарищу, настолько велик был его ужас перед этим неожиданным бедствием, ужас, усугублённый к тому же жуткими детскими воспоминаниями. К счастью для воина, рядом с ним вдруг оказался, возникнув неизвестно откуда, сам Гаай, уже конный. Сверкающей и почти неразличимой для глаза полоской, взвился над головой предводителя тяжёлый меч... и вот уже отрубленный наискосок конец щупальца упал в траву, извиваясь по-змеиному и разбрызгивая во все стороны ярко-алую жидкость. Несколько жгучих брызг попали на лицо Стива, помогли юноше вновь вернуться к жизни... а Гаай уже мчался дальше, помогать, спасать, вызволять из беды...

— Не стоять! — оглянувшись напоследок, крикнул Гаай, то ли спасённому только что воину, то ли Стиву, а, скорее, и тому, и другому разом. — На коней! Скорее!

Стряхнув, наконец, окончательно постыдное своё оцепенение, а вместе с ним и изрядную долю страха, Стив бросился дальше. Уже подбегая к лошадям, он вдруг увидел своего коня. Призывно заржав, верное животное само бросилось навстречу хозяину. Пут на его передних ногах уже не было, кто-то вовремя помог Стиву в этом. Юноше осталось только вскочить на спину лошади, что он и проделал в мгновение ока. Ещё мгновение... и он уже мчался по направлению к выходу из ловушки, к серому пятну бывшего костра. Туда же устремляли своих лошадей и остальные уцелевшие воины... среди них Стив узрел Гэла и очень обрадовался этому. Алый плащ Гаая всё ещё мелькал впереди, предводитель, не покидая сам опасной зоны, по мере возможности помогал спасаться другим. А вот алого плаща Рээба нигде не было видно, впрочем, в данный момент это волновало юношу меньше всего. Щупальца всё ещё хлестали то справа, то слева от него, чаще вслепую... но вот одно из них настигла воина совсем недалеко от Стива, обхватило его вместе с лошадьёю, тяжело вздёгнуло вверх. Хриплый крик обречённого на мгновение перекрыл даже предсмертное ржание его лошади...

но оба этих звука тотчас же исчезли, перекрытые всеобщим гамом и шумом.

— Скорее! Скорее! — гремел впереди Стива голос предводителя. — Все сюда!

Перемахнув через серое пятно костра, Стив понял, что сумел вырваться из смертельной ловушки. И только он об этом подумал, как услышал позади себя отчаянный человеческий вопль. Оглянувшись, он увидел, как самый конец гибкого щупальца обвил возле локтя правую руку скакавшего за ним воина. Щупальце силилось утащить человека обратно, стащить его с лошади... но воин, отчаянно борясь за жизнь, каким-то чудом смог ещё удержаться верхом, обхватив свободной левой рукой шею животного. Долго так продолжаться не могло, щупальце не ведало усталости, а человек — и Стив явственно это видел — слабел прямо на глазах, ещё мгновение и последние силы оставят его и тогда у него не будет ни малейшего шанса спастись. Поняв это, Стив, не думая уже об опасности, не думая вообще ни о чём, кроме желания помочь товарищу, повернул свою лошадь, заставил её подняться на дыбы и со всего размаха опустил свой меч на зловещее это, отвратительно пульсирующее щупальце.

Увы, не обладая исполинской силой Гаая, Стив так и не сумел перерубить его с одного удара. Но, тем не менее, меч довольно глубоко вошёл в

плотную упругую мякоть щупальца, заставив его выпустить, казалось, обречённую уже, жертву. Брызнула во все стороны жгучая красная жидкость, щупальце, словно испуганная змея, тяжело метнулось обратно...

— Я твой должник! — прохрипел воин, проскакав мимо Стива. Его шатало из стороны в сторону, словно пьяного, но меч он так и не выпустил из покалеченной руки. Стив поскакал следом.

На лесной дороге уже успели собраться все уцелевшие... как же мало их было! Невольно оглянувшись, Стив не увидел позади себя никого, только несколько спутанных лошадей ещё метались в панике по поляне, а щупальца всё хлестали и хлестали о землю, охотясь за ними, хоть и вслепую, но, тем не менее, вполне успешно. Стив вдруг понял, что эта вот небольшая кучка воинов у дороги и есть все уцелевшие...

Глава 4

Всего, как оказалось, уцелело девять человек, трое из которых, в той или иной степени были поражены древесным ядом. Лошадей, правда, уцелело значительно больше, но отправляться в дальнейший путь на неосёдланных лошадях, оставив на поляне всё своё снаряжение и добычу, а

главное, боевые арбалеты, было бы чистейшим безумием. Все это отлично понимали, как и то, что зловещий Чёрный лес приготовил для непрошенных гостей ещё не одну страшную ловушку и не один смертельный сюрприз.

Но как воротить всё, или хотя бы часть имущества, брошенного на поляне?

Можно было, разумеется, просто терпеливо ждать, когда бродячие деревья, удостоверившись, что добычи на поляне более не предвидится, сами покинут её и удалятся восвояси... но это был, увы, вариант не из лучших. Насытившееся великаны могли оставаться в неподвижности неделю, а то и месяц. Торчать здесь столько было не только глупо, но и смертельно опасно. Понимая это, Гаай — теперь, после гибели Рээба, он один, единолично, распоряжался поредевшим отрядом — принял единственно верное в данной ситуации решение. Не имея возможности прогнать лесных исполинов, люди могли попытаться хоть как-то перехитрить их. Например, отвлечь внимание на какое-то время...

Трое смельчаков-добровольцев во главе с Гэлом торопливо спешили и в мгновение ока скрылись в лесной чаще. Стив, тоже предложивший свою кандидатуру, был немало удивлён и даже обижен той непонятной резкостью, с которой Гэл, как старший, её отверг. Но долго обижаться было

некогда — у поражённых древесным ядом воинов начались судороги, — и надо было срочно оказать им первую помощь, чем Стив немедленно и занялся вместе со стариком Кромом.

Яд бродячих деревьев убивает лишь в больших дозах, но неприятностей от него предостаточно. Попав в организм, яд этот вызывает сильные мучительные боли, к счастью, быстро проходящие без всяких остаточных явлений.

Вот и сейчас двое поражённых ядом воинов уже корчились на земле, извиваясь и громко крича от невыносимой боли. Третий воин, которого, кстати, и спас чуть ранее Стив, сидел, скорчившись, у ног своей лошади и, покачиваясь из стороны в сторону, старался удержаться от крика. Пока ему это удавалось, воин только зубами скрипел... но бледное, перекошенное страданием лицо его, всё в крупных каплях пота, явственно показывало, каких нечеловеческих усилий стоило воину это молчание...

Стив делал всё возможное, чтобы хоть как-то облегчить страдания несчастных... Впрочем, плохо разбираясь во всех тонкостях врачевания, он лишь следовал указаниям седобородого Крома, потерявшего на страшной этой поляне последнего своего сына.

Неизвестно, что творилось сейчас в душе старика, но внешне он был совершенно спокоен.

Лицо его, угрюмое, обветренное, сплошь покрытое причудливым переплетением старческих морщин и давно заживших боевых шрамов, оставалось абсолютно непроницаемым. Не менялось оно и тогда, когда старый воин менял компрессы на ранах извивающихся и кричащих от нестерпимой боли воинов или негромким голосом давал Стиву то или иное распоряжение. К сожалению, вся сильнодействующие снадобья и целебные мази остались там, на поляне... приходилось довольствоваться холодными водными компрессами и примочками из разжёванной в кашицу смеси нескольких лечебных растений, благо, что они в великом изобилии произрастали вдоль всей лесной караванной тропы.

Вскоре холод и травяные соки начали оказывать благотворное своё действие, и боль уменьшилась настолько, что измученные, полностью обессиленные люди, наконец, смогли замолчать и впали то ли в глубокий сон, то ли в некое своеобразное оцепенение. И в это же самое время в глубине лесной чащи раздались громкие человеческие возгласы и бряцанье оружия. Стив понял, что Гэл с товарищами уже вплотную приблизились к лесным монстрам и теперь всячески пытаются привлечь к себе всё их внимание.

— Пора! — негромко скомандовал Гаай,

трогая лошадь.

Стив тоже вскочил на лошадь, седобородый Кром вслед за ним. Воин, поражённый в руку, шатаясь, поднялся на ноги.

— Ты можешь остаться! — сказал Гаай, но воин лишь упрямо качнул головой.

— Я уже здоров! — произнёс он срывающимся хриплым голосом и в мгновение ока вскочил на лошадь. — Вот только рука...

Правая рука воина висела как плеть. Гаай что-то хотел, видимо, сказать, но передумал и лишь пожал плечами.

— Тогда вперёд! — он помолчал немного и добавил. — До костра, не далее!

Немного не доезжая до круглого серого пятна от бывшего костра, они приостановили коней, внимательно взглядываясь в обманчиво-однообразную зелень деревьев, плотной стеной обступивших небольшую поляну.

— Их было пятеро! — негромко произнёс Кром, и Стив понял, что старик имеет в виду бродячие деревья.

Гаай неприязненно на него покосился.

— Ты что, успел пересчитать их, старик?

Кром ничего не ответил и некоторое время они, молча и сосредоточенно, разглядывали деревья, все на удивление одинаковые и будто бы совсем безобидные. Ни одно из деревьев пока никак

не отреагировало на приближающийся шум и лязг позади себя.

— А может они ушли? — с надеждой проговорил Стив. — Может, их уже нет здесь?

Никто ему ничего не ответил и Стив с горечью подумал, что ни старый Кром, ни, тем более, Гаай, не считают его, Стива, равным себе воином. Впрочем, горькая эта мысль мелькнула и тут же исчезла, не до того было. Крики и шум в чаще стали ещё слышнее и юноша понял, что люди Гэла уже почти вплотную подошли к деревьям. Он представил, каково им там сейчас и внутренне содрогнулся при одной мысли об этом.

Стив по-прежнему никак не мог распознать ни одного бродячего дерева среди сплошной массы настоящих деревьев, впрочем, остальные, кажется, тоже не сумели этого сделать. Но, вот одно из деревьев чуть вздрогнуло и ветви его, внезапно удлинившись в несколько раз и превратившись в гибкие щупальца, с силой хлестнули по сплошным верхушкам кустарников, вновь взмыли ввысь и снова ударили...

— Наконец-то! — ни к кому конкретно не обращаясь, пробормотал Гаай. — А вон и второе!

Стив тоже разглядел второго хищника, затаившегося совсем неподалёку от первого. Теперь оба дерева яростно и пока безуспешно исхлёстывали ветвями-щупальцами лес.

— Третье! — воскликнул воин с раненой рукой. — Вон третье!

Уже три бродячих дерева охотились за группой смельчаков, по меньшей мере, тремя десятками щупальцев.

— Ну что, вперёд?! — раненый воин вопросительно взглянул на Гаая. — Им скоро может надоест эта игра!

Гаай ничего не ответил. Не отрываясь, он следил за происходящим на поляне.

— Их было пятеро! — снова повторил Кром. — Двое ещё не обнаружены!

— Помолчи, старик! — сказал Гаай, не оборачиваясь. — Помолчи пока!

В это время одно из соседних деревьев, такое обычное и безобидное на вид, мгновенно вдруг преобразившись, метнуло в их сторону щупальца, которые, правда, никого не задели. Воины мгновенно подались назад, выезжая из опасной зоны.

— Вот и четвёртое! — досадливо бросил Гаай. — И так неудачно!

Это дерево срывало своим присутствием все их планы.

— Я отвлеку его! — предложил Гааю раненый воин. — Позволь!

Но Гаай только отрицательно покачал головой.

— Нет! — он помолчал немного и добавил: —
Не ты!

Взгляд предводителя вдруг остановился на Стиве и, мгновенно похолодев, юноша вдруг понял, что Гаай хочет избрать для этой почётной и смертельно опасной миссии именно его. Но страха не было в душе молодого воина, была лишь гордость да ещё боязнь не справиться с заданием, подвести всех.

Но случилось нечто совершенно неожиданное.

— Не ты! — вновь повторил Гаай. — Я сам!

Вонзив шпоры в потные бока лошади, он бросил её вперёд бешеным налётом. Он мчался прямо к дереву, вот он уже достиг пределов досягаемости смертоносных щупальцев и, словно почувствовав это, все до единого щупальца разом взметнулись вверх, готовя удар.

— Что он делает?! — невольно вырвалось у Стива. — Он же погибнет!

— Помолчи! — воин с перевязанной рукой внимательно наблюдал за происходящим. — Гаай не безумец! У него есть какой-то план!

— Но ведь его сейчас... — в это время ветви-щупальца, наконец, со зловещим свистом обрушились вниз, и Стив растерянно замолчал.

Промедли Гаай одно лишь мгновение и ему несдобровать, ибо щупальца на этот раз упали на

землю все сразу и в особенном каком-то порядке — ни дать, ни взять, ловчая сеть. Но, то ли их предводителю просто удивительно повезло, то ли это он сам так смог рассчитать — в момент удара щупальцев Гай уже был в, так называемой, «мёртвой зоне». Тут его не смогло достать ни одно из щупальцев.

Конечно, назвать эту зону «мёртвой» можно было только с большой натяжкой — любое из щупальцев, немного изогнувшись, легко могло дотянуться до бесстрашного всадника, просто дереву необходимо было немного времени для внесения корректив в свои действия. Но этого «немного» Гаая хватило с лихвой.

Выхватив из-за пояса массивный боевой топор, Гаай принялся изо всей силы наносить по серой упругой коре дерева короткие мощные удары. Ещё удар, ещё... и вот уже из-под повреждённой древесной коры широким потоком хлынул ярко-алый сок, так похожий на кровь.

— Так его! — воскликнул, охваченный ликованием раненый воин. — Прикончи его, Гаай! Прикончи эту мразь!

Всё ещё не до конца понимая замысел предводителя, Стив, тем не менее, смотрел на действия Гаая с волнением и явным восхищением. Щупальца тем временем снова взметнулись вверх, все разом... и можно было не сомневаться в том,

куда они обрушатся теперь в первую очередь, по крайней мере, часть из них. Восхищение Стива сменилось вдруг острым щемящим беспокойством... но тут в правой руке предводителя возник вдруг яркий огонёк пламени — Стив так и не заметил, когда же Гаай успел его зажечь — и вот уже ярко-алое пятно на серой коре вспыхнуло багровым пламенем, почти сразу же пламя взметнулось ввысь и начало с бешеной скоростью пожирать живую плоть великана.

— Удалось! — раненый воин крепко сжал пальцами плечо юноши. — Ему удалось!

Щупальца метнулись, было, вниз, потом, задрожав, снова вверх, но это был уже просто беспорядочно шевелящийся серый клубок. Отдельные щупальца лихорадочно хлестали по стволу, как бы в надежде сбить, обуздать пламя, но тут же вспыхнули сами. Теперь дереву было уже не до охоты на людей, и Гаай это отлично понимал.

— Вперёд! — повелительно крикнул он и, вздыбив коня, помчался в сторону беспорядочно разброшенного имущества.

Воины ринулись следом. Нужно было спешить, ибо оставшиеся бродячие деревья, всё ещё отвлекаемые с тыла тройкой смельчаков, в любое мгновение могли утратить к ним интерес и вновь обрушить свои смертоносные щупальца на поляну. В первую очередь, следуя указаниям Гаая, воины

подбирали сёдла и арбалеты со стрелами. Доставив их в безопасное место, вернулись уже за тюками.

Торопливо забрасывая связанные попарно тюки на спину лошади, Стив вдруг услышал за своей спиной чей-то истошный протяжный вопль, напоминающий одновременно и яростный рёв большого хищного зверя, и стократно усиленное звучание боевого рога. Мгновенно обернувшись, он понял, что эти звуки издаёт пылающее бродячее дерево. Второй раз в жизни Стив слышал голос дерева-хищника, и вновь, с немалым удивлением, явственно уловил в этом жутком, душу леденящим крике, и боль, и отчаянье и странную какую-то тоску, предсмертную, что ли... Словно отгоняя наваждение, юноша тряхнул головой, а дерево, выдрав из земли свои толстые корни, медленно побрело прочь, ломая и подминая под себя мелкий кустарник и то и дело натываясь на вековые стволы обычных деревьев. Оно пылало теперь всё, словно огромный какой-то факел... вот пылающее дерево приблизилось вплотную к одному из своих сородичей, и тут случилось невероятное. Дерево-хищник, словно почуяв опасность, тоже выдернуло из земли свои корни и с невероятной прямо-таки быстротой заковыляло прочь, тяжело раскачиваясь на ходу. А его пылающий сородич, тоскливо протрубив в последний раз, рухнул вдруг навзничь... и тотчас же дружно вспыхнули кусты и

подлесок по обе стороны от упавшего дерева и багровое пламя начало расползаться вокруг с удивительной быстротой.

— Ну, всё! — с облегчением проговорил раненый воин и, встретившись взглядом со Стивом, подмигнул юноше. — Теперь этим тварям не до нас!

И это действительно было так. Двое оставшихся древесных хищников с превеликим шумом и треском удалялись в лесную чащу, потеряв к людям всяческий интерес. Они уходили прочь, медленно и неуклюже, а пламя, казалось, гналось за ними по пятам. С облегчением наблюдавший за паническим этим бегством, Стив вспомнил вдруг о Гэле с товарищами, находящимися как раз где-то там, среди бушующей этой стихии. Впрочем, люди двигались куда проворнее бродячих деревьев, и серьезной опасности огонь для них, кажется, не представлял.

Словно в подтверждение этому, из-за пылающего куста на поляну выбрался Гэл, за ним оба его помощника. Все трое были целы и невредимы, вот только лица их почернели от копоти до неузнаваемости. Мгновенно оценив обстановку, Гэл что-то негромко скомандовал, и все трое тоже бросились к оставшимся на поляне тюкам. Воины Гэла взвалили на плечи по две пары тюков, сам же одорукий воин довольствовался

одной только парой.

— Слева! — истошно выкрикнул вдруг старик Кром. — Слева смотрите!

Тут Стив, наконец-то, смог разглядеть пятого из хищников. Кром не ошибся, бродячих деревьев и в самом деле оказалось не четыре, а пять. До сих пор ничем себя не обнаружившее, коварное дерево вдруг ожило и взметнуло высоко вверх длиннющие свои щупальца, на ходу всё утончая и удлиняя их, наверное, для увеличения дальности поражения. Стив был уже вне зоны риска, как, впрочем, и остальные всадники, но для Гэла с товарищами пятое бродячее дерево представляло несомненную опасность.

— Тюки! Бросайте тюки! — не выдержав, крикнул раненый воин. — Они вас погубят!

Стив был того же мнения, ибо тяжёлые эти тюки замедляли движение людей, но, когда один из воинов и в самом деле выронил свои тюки, Гэд вдруг что-то прокричал повелительно и второй из воинов тут же швырнул товарищу одну из двух пар тюков. Снова все три воина бежали з грузом и явно не успевали выбраться из опасной зоны.

«Ничего не понимаю!» — ошарашено подумал Стив... но секунду спустя он уже понял замысел Гэла. Щупальца тяжело ударили сверху, все сразу, и трое из них ударили на удивление точно. Удар пришёлся по тюкам и люди, мгновенно

отпустив свою ношу, разом упали на землю. Одураченные щупальца тут же взметнулись вверх с «добычей», вверх взметнулись и все остальные щупальца, готовясь к повторному нападению.

Но люди оказались проворней безмозглой твари. Вскочив на ноги, они побежали дальше уже налегке и успели-таки покинуть опасную зону за какое-то краткое мгновение до следующей атаки.

— Всем седлать коней! — распорядился Гаай. — Будем уходить!

Гэл был уже возле Стива. Остановившись рядом с юношей, он сплюнул, потом медленно вытер рукавом пот и копоть с лица.

— У тебя всё в порядке?

— В полном! — Стив улыбнулся. — А у тебя?

— И у меня! — Гэл тоже улыбнулся, но как-то невесело. — А вообще-то, дела наши неважные!

Стив это и сам хорошо понимал.

Глава 5

Всего в живых осталось девять человек, лошадей же уцелело тринадцать, поэтому четырёх свободных лошадей решено было сделать вьючными, до отказа загрузив их тюками. Вещи, всё ещё остававшиеся на поляне, пришлось бросить из-за бродячего дерева, упрямо там торчавшего. Впрочем, оставшиеся воины и лошади просто не в

силах были унести всё имущество, рассчитанное, как минимум, на двадцать всадников, так что жалеть брошенного особо не приходилось.

Потерпевшим от яда воинам стало значительно лучше, во всяком случае, они уже могли самостоятельно держаться в седле. Поэтому Гаай дал сигнал выступать, и все воины начали выстраиваться в обычную свою походно-боевую колонну. Ехать решили по-прежнему, по две лошади в ряд, с тем лишь изменением, что в центре колонны четверо всадников будут иметь своими соседями навьюченных лошадей. Впрочем, Стива это не коснулось, следуя указанию предводителя, он вместе со стариком Кромом должен был замыкать колонну. Это было большой честью и явным выражением доверия к юноше со стороны Гаая, ибо замыкать строй поручалось обычно самым опытным и проверенным в бою воинам. Чрезвычайно польщённый, оказанным ему доверием, Стив тотчас же повернул лошадь и направил её в самый хвост колонны. Оказавшись там, он остановился, поджидая напарника.

Но Кром и не подумал выполнять приказание предводителя. Выпрямившись в седле и высоко подняв седую голову, старый воин направил свою лошадь прямо в противоположную сторону. Подъехав к предводителю почти вплотную, Кром натянул поводья и некоторое время он и Гаай молча

смотрели друг другу в глаза.

— В чём дело, старик? — негромко и надменно проговорил Гаай. — Ты плохо слышишь? Или ты боишься замыкать колонну?

— Я ничего не боюсь! — громкий голос Крома на мгновение перекрыл весь шум и гам строящихся в колонну воинов, замолчав, все удивлённо повернулись в его сторону, не совсем понимая, в чём, собственно, там дело. Стив тоже с удивлением смотрел на старика. — Я ничего не боюсь! — снова повторил Кром, ещё больше выпрямившись в седле. — И я хорошо слышу! И вижу тоже!

— Вот как? — голос предводителя по-прежнему звучал негромко и надменно. — И что же ты видишь, старик?

— Я вижу... — голос Крома вдруг задрожал и стал ещё громче, старик уже не говорил, он почти кричал прямо в лицо Гааю, — я вижу, что ты по-прежнему собираешься командовать нами, Гаай! Командовать, словно ничего и не произошло!

На лесной дороге стало так тихо, что слышно стало ленивое потрескивание огня в догорающих зарослях, потом возле людей деловито прожужжала одинокая пчела, спешащая со своей драгоценной ношей в родное дупло. Глаза всех без исключения воинов были направлены на Гаая, все ожидали, что же он ответит старику.

Но Гаай молчал. Он молчал так долго, что Стив уже решил, было, что их предводитель вообще ничего не будет отвечать взбунтовавшемуся воину, но тут Гаай, наконец, соизволил заговорить, медленно, негромко и как-то по-особенному равнодушно.

— А что, собственно, произошло, старик? — обветренные губы Гаая чуть тронула холодная, ничего не выражающая усмешка, отчего лицо предводителя стало ещё более надменным и непроницаемым. — Может, я трусливо прятался за чужими спинами? В чём, конкретно, ты можешь обвинить меня, старик?

— Я скажу тебе, в чём я тебя обвиняю! — голос Крома дрожал и срывался, но не от страха... в нём явственно ощущалась огромная ненависть, ненависть и ещё что-то, в чём Стив так и не смог до конца разобраться. — Я напомню тебе, предводитель, в чём твоя вина! — Костлявый палец старого воина был направлен прямо в грудь Гааю. — Шестьсот воинов ты повёл за собой в набег, Гаай... шестьсот лучших воинов! Они пошли за тобой, потому что поверили в тебя, в твою воинскую удачу, в твоё умение побеждать! Где они теперь, предводитель?! — задыхаясь от гнева и ненависти, Кром умолк, обвёл долгим взглядом горстку уцелевших воинов. — Что ты скажешь теперь их отцам и матерям, их жёнам и детям?!

Тебе ведь нечего сказать им, Гаай!

Растерянный и ничего не понимающий Стив во все глаза смотрел на происходящее, переводя взгляд с перекошенного ненавистью лица Крома на надменно-непроницаемое холодное лицо предводителя и обратно. Он понимал чувства старика, потерявшего сначала старших, а затем и младшего сына, но даже понимание это не вызывало в его душе по отношению к Крому ничего, кроме острого раздражения. Чего, собственно, добивается старый воин? Их осталось так мало и чтобы выжить в кошмарном этом лесу — нужно не свары затевать, а, наоборот, как никогда раньше сплотиться всем разом вокруг предводителя. И чем Гаай плохой предводитель? Уж не хочет ли сварливый старик сам занять его место?

— Ну, что же ты молчишь, Гаай? — никак не унимался Кром, костлявый его палец почти упирался Гааю в кольчугу. — Ведь это ты погубил их всех! Ты и Рээб!

При упоминании имени Рээба по колонне прошёлся еле слышный недовольный ропот и Гаай его чутко уловил. Не принято было у воинов обвинять в чём-то погибших, а уж тем более, погибших в бою и с оружием в руках.

— Рээб мёртв! — теперь уже голос Гаая задрожал от плохо скрытого гнева. — Ты что,

позабыл об этом, старик?!

— Но ты-то жив! — надтреснутый голос Крома вновь взвился почти до крика. — Ты жив и по-прежнему хочешь командовать нами!

— Уж не хочешь ли ты старик сам стать предводителем? — теперь в голосе Гаая звучало скорее любопытство, нежели гнев. — Что ж, мы можем обратиться к воинам и спросить у них, кого они предпочтут! — холодный неподвижный взгляд Гаая медленно прошёлся по лицам, угрюмо молчащих воинов, чуть задержался на Стиве, или, может, Стиву это только показалось. — Все, кто выбирает меня, поднимите мечи!

Стив даже не сомневался, что все воины в единодушном порыве вскинут мечи вверх, но этого почему-то не произошло. Воины продолжали, молча и неподвижно, восседать в сёдлах... это было невероятно!

— Я за тебя, Гаай! — по-юношески звонко воскликнул Стив, выхватывая из ножен меч и высоко вскидывая его над головой. — Ты наш предводитель!

Этим возгласом он словно разбудил остальных.

— Ты наш предводитель, Гаай! — воскликнул раненый в руку воин, тоже поднимая меч.

— Ты наш предводитель! Мы с тобой, Гаай! — слышались один за другим дружные

возгласы и все как один воины высоко вскинули над головами блестящие на солнце клинки... все, кроме Гэла...

— А ты, Гэл? — пристальный взгляд Гаая остановился на одноруком воине. — Ты что, не считаешь меня достойным быть предводителем?

Затаив дыхание, Стив ждал, что же ответит Гэл. Все остальные воины тоже ждали с нетерпением его ответа.

— Ты наш предводитель, Гаай! — произнёс, наконец, Гэл, но меча так и не поднял.

— Ну что, старик? — Гаай снова повернулся к неподвижно застывшему в седле Крому. — Теперь ты будешь подчиняться мне и выполнять мои распоряжения?

— Выполнять твои распоряжения?!

Кром, повернувшись в седле, посмотрел на воинов и каждый, на ком останавливался его пылающий гневом взор, почему-то опускал голову. На Стива, впрочем, старый Кром даже не взглянул.

— Я не хотел быть вашим предводителем! — надорванный больной голос старика дрожал и срывался. — Я не стремился к этому, и вы все это отлично знаете! Он тоже это знает! — Кром, не оборачиваясь, кивнул в сторону Гаая. — Два моих сына погибли в бою возле волчьей деревни...

— Твои сыновья погибли как герои! — перебивая старика, выкрикнул Гаай. — И сейчас

они там, в заоблачном мире, и им стыдно за своего отца!

— А мне стыдно за вас, воины! — с гневом прокричал Кром, приподнимаясь на стременах. — Вы... вы все — трусы! Все до одного! Мой третий сын... — седая голова старика вдруг горестно поникла, голос вновь сорвался и задрожал. — Мой младший... я потерял его этой ночью...

— Так вот почему ты злобствуешь! — теперь уже голос Гаая задрожал от гнева и плохо скрытой ярости. — Твой сын был караульным! Мы доверили ему себя и свои жизни, а он подвёл нас! Там, на поляне... — Гаай обернулся в сторону всё ещё бушующего огня, и все как один воины тоже посмотрели в ту сторону, — там погибли наши товарищи, и твой сын повинен в их гибели!

— Не смей обвинять моего сына! — что есть силы закричал Кром, и в этом отчаянном его крике-вопле было столько тоски и боли, что Стив невольно содрогнулся... он уже не решился обвинять хоть в чём-то старого воина, он даже жалел его, хоть и понимал, что любая жалость оскорбительна для настоящего воина. — Мой сын был ещё совсем мальчик! — снова выкрикнул Кром. — Он был ещё мальчик, и он... он... — пронзительный голос старика сорвался, упав почти до шёпота, — он погиб из-за тебя, Гаай!

— Вот! — правая рука Гаая взметнулась,

указывая в сторону Стива, и все воины тоже посмотрели на юношу. — Он ведь младше твоего сына, Кром! И, тем не менее, он уже воин! И хороший воин! И я горжусь им!

Наверное, Стив был бы на седьмом небе от счастья, услышь он такую похвалу из уст предводителя всего сутки назад. Теперь же, сейчас, он почему-то не ощутил вообще ничего, кроме странного, неприятного чувства неловкости и какой-то даже неясной своей вины, что ли... Перед ним только что столкнулись две правды, и каждая из них не признавала, отрицала даже другую, и каждая из них, тем не менее, имело полное право на существование... а ведь он, Стив, всегда свято верил, что правда бывает лишь одна...

Кром вдруг выхватил из ножен меч, Гаай в ответ тоже обнажил свой клинок.

— Уж не хочешь ли ты драться со мной, старик? — гнев в голосе предводителя вновь уступил место холодному удивлению. — Ты хорошо подумал?

— Я хорошо подумал! — Кром неожиданно улыбнулся, и тоскливая эта его улыбка острой болью пронзила и без того смятённое и истерзанное сомнениями сердце Стива. — И я не буду драться с тобой, Гаай! Веди их дальше, этих... — презрительный взгляд старика скользнул по притихшим воинам. — Веди, командуй,

распоряжайся... они вполне достойны такого предводителя, как ты! А я... я ухожу к сыновьям!

Взмахнув мечом, Кром вдруг с силой полоснул острым его лезвием себя по горлу и упал наземь, захлёбываясь собственной кровью. Испуганная лошадь его шарахнулась в сторону и тут же остановилась, ибо Гаай успел ухватить её за узду. Воины, неподвижные и ошеломленные, молча взирали на содрогающееся в агонии тело старого воина.

— Возьми лошадь! — крикнул Гаай одному из воинов и, когда тот послушно подхватил поводья, повернул своего коня и, даже не взглянув на Крома, поскакал в голову колонны. — Выступаем! — прокричал он, не оборачиваясь. — Всем занять свои места!

— Мы что, не предадим его сожжению? — выкрикнул кто-то из воинов.

— Нет! — Гаай, наконец, обернулся и посмотрел на неподвижное тело Крома — Мы сжигаем воинов! А он избрал себе смерть труса, и пусть душа его отправляется в вечное царства тьмы и мрака! Ты ещё слышишь меня, старик?! — снова закричал он и гнев, перемешанный с презрением, явственно прозвучал в могучем его голосе. — Ты никогда не встретишься со своими сыновьями! — Гаай замолчал, вновь обвёл бешеным взглядом притихшую колонну и, пришпорив коня, далеко

вырвался вперёд. — Не отставать! — зычно крикнул он, уже не оборачиваясь.

Небольшая колонна медленно двинулась в путь. Проезжая мимо неподвижного тела Крома, каждый из воинов невольно отводил взгляд в сторону.

Стив в одиночестве замыкал колонну. Охваченный своими мыслями, он ехал молча, низко опустив голову, но, проезжая мимо тела старого воина, юноша, сам не понимая почему, вдруг приостановил лошадь. Внимательно вглядываясь в мучнисто-белое лицо старика, Стив вдруг обнаружил, что тот ещё не умер. Кром лежал на спине, тело его было совершенно неподвижным, но губы старика всё ещё чуть шевелились... он, кажется, что-то шептал. Стив прислушался.

— Силам тьмы и зла отдаю тело своё после того, как душа улетит прочь! — искусанные губы Крома шевелились всё медленней, торопливый его шёпот стал уже почти неразборчивым, но Стив сумел расслышать имя Гаая... он прислушался повнимательнее, но старик шептал всё тише и тише. Сумев разобрать только отдельные разрозненные слова, Стив понял, что старый воин в предсмертном бреду произносит какое-то чёрное заклятие.

— Не отставать! — громыкнул от головы колонны гневный голос Гаая.

Пришпорив лошадь, Стив нагнал отряд.

Некоторое время он ехал молча и всё раздумывал о последних странных словах умирающего Крома. Бредил ли старик, произнося их, или слова эти в его устах наполнены были каким-то зловещим смыслом? Стиву не терпелось рассказать обо всём услышанном Гэлу, но однорукий воин ехал далеко впереди, сразу же вслед за предводителем, а прямо перед Стивом маячила жирная спина воина, так яростно обвинявшего вчера Гэла в неверии. Обращаться к толстяку за советом юноше очень не хотелось... Впрочем, вечером на привале, он поговорит с Гэлом...

Правда, до вечернего привала было ещё ох как далеко.

Глава 6

Стив уже почти смирился с мыслью, что ему придётся весь день замыкать колонну в одиночестве. Ехать последним по узкой лесной дороге было очень опасно, всё время приходилось быть начеку — поэтому Стив немедленно привёл в боевую готовность арбалет, стараясь чутко прислушиваться к каждому постороннему звуку и шороху в окрестном кустарнике.

Правда, прислушиваться ко всем этим звукам и шорохам было не так-то и просто из-за, доносившихся спереди от Стива, почти

непрерывных причитаний. Толстый воин, ехавший как раз впереди юноши и ещё не совсем оправившийся от воздействия древесного яда, а по сему, особенно раздражительный, никак не мог управиться с норовистой вьючной лошадью слева от себя. Может, лошадь и не была особенно норовистой, просто она не привыкла быть вьючным животным, чего толстяк никак не мог уразуметь. Он то и дело понукал упрямое животное, в сердцах дёргал и дёргал его за узду, время от времени принимался стегать лошадь плетью, что, разумеется, ни к чему хорошему не приводило, да и не могло привести. Прodelывая это и проклиная всё на свете, воин всё сыпал и сыпал самыми отборнейшими ругательствами. Резкий, неприятно-пронзительный голос его пронизывал, казалось, насквозь измученный мозг Стива, мешая ему сосредоточиться на чём-то одном, а главное, отвлекая внимание юноши от грозящей им со всех сторон опасности.

Стиву очень хотелось вежливо попросить неутомимого говоруна, если не замолчать, то хотя бы изливать свои жалобы немного потише. Но он отлично понимал, что любое его вмешательство, пусть даже в самой вежливой форме, лишь подольёт масла в огонь и очередной залп злой ругани вместо лошади достанется ему, Стиву, и придётся как-то на это реагировать. Реагировать на

грубость можно было лишь ответной грубостью, а лучше всего — мечом, но молодой воин, с раннего детства воспитанный в безоговорочном послушании и почитании старших, не осмеливался затеять ссору с человеком, почти годившимся ему в отцы.

Поэтому он вынужден был довольно долго выносить эти, нудные и весьма однообразные словесные излияния, и был глубоко благодарен воину, ехавшему впереди толстяка. Ему, наверное, тоже надоело слушать бесконечное это нытьё и проклятия, поэтому воин, обернувшись к сквернослову, свирепо проорал ему прямо в лицо, чтобы тот немедленно заткнулся. После этого он ещё свирепей добавил, что сам заткнёт пасть толстяку, в случае на то необходимости.

Опешивший толстяк хотел, было, достойно ответить обидчику, но у воина впереди был не только весьма грозный вид, но и соответствующие габариты. Так что, неутомимый болтун, к тому же, ещё не вполне оправившийся от ран и перенесённых страданий, вынужден был прикусить язык и наконец-таки замолчать, к великому удовлетворению, не только впереди ехавшего воина, но и Стива.

Настроение юноши улучшилось ещё больше, когда он увидел, как Гэл, перекинувшись вдруг с предводителем несколькими короткими фразами,

выехал из общей колонны на обочину и остановился там, пропуская вперёд всадников одного за другим. Дождавшись очереди Стива, Гэл тоже тронул поводья своей лошади и поехал рядом с молодым воином.

— Куда безопаснее, ежели замыкать колонну будут двое, — негромко произнёс он, глядя прямо перед собой. — Надеюсь, ты согласен с таким утверждением?

— Разумеется! — Стив постарался, как мог, сдержать бурную радость, но это ему, конечно же, плохо удалось. — Гаай сам направил тебя сюда или это ты ему предложил?

Гэл искоса взглянул на Стива, но ничего ему не ответил и так, некоторое время, они ехали молча. Потом Гэл первым нарушил затянувшееся молчание.

— Скажи, зачем ты зарядил арбалет стрелой с серебряным наконечником? — спросил он. — Такая стрела не пробьёт даже обычной кольчуги, не говоря уже о более прочных доспехах.

Стив посмотрел на свой арбалет, потом перевёл взгляд на Гэла.

— Но ведь оборотни... — начал он нерешительно, но Гэл только пренебрежительно махнул трезубцем, заменявшем ему кисть левой руки.

— Нет здесь оборотней! — он обвёл

внимательным взглядом зелёную стену кустарника по обеим сторонам дороги. — А вот кто-то другой тут есть, сердцем чую!

— Кто, другой? — недоуменно переспросил Стив. — Люди?

— Может, и люди! — неопределённо проговорил Гэл, по-прежнему внимательно всматриваясь в придорожный кустарник. — А, может, и не люди...

— Кто же тогда?

Гэл снова ничего не ответил, а Стив, немного поколебавшись, всё же заменил серебряную стрелу в арбалете на обычную с закалённым стальным наконечником. Такая стрела на близком расстоянии пробивала любые доспехи, не говоря уже о кольчугах. Юноша не совсем понимал, кого так опасается Гэл тут встретить, какие такие люди осмелились бы жить в страшном этом лесу. Но Гэл столько раз оказывался правым, почему бы ему не оказаться правым и на этот раз...

Дорога, между тем, всё время поднималась куда-то вверх, колонна словно взбиралась постепенно на какую-то огромную гору. Впрочем, подъём этот был довольно пологим, почти незаметным. Окружающий ландшафт тоже постепенно менялся: огромные деревья постепенно мельчали, да и росли они теперь не сплошной стеной, а на значительном расстоянии друг от

друга, зато кустарник, наоборот, подрост: по обе стороны дороги словно стояла высокая зелёная стена. Солнце, выглянув, наконец, из-за плотной этой стены, с каждой минутой припекало всё сильнее и сильнее, и Стив ощутил вдруг сильную жажду. Утром, в суматохе и горячке боя, он так и не успел напиться, не до того было, а вот теперь, кажется, всё отдал бы, все сокровища мира, за один-единственный только глоток простой воды, пусть даже тёплой и мутной. Впрочем, никаких особенных сокровищ у юноши, увы, не было, если не считать нескольких золотых безделушек, бережно хранящихся во внутреннем потайном кармашке кожаной куртки. Золото это было добыто Стивом в одном из покинутых поселений волчьего народа, в самый начальный период набега, когда они ещё победоносно продвигались вперёд и всё, казалось, благоприятствовало их намерениям...

Как бы прочитав невесёлые мысли юноши, Гэл вдруг отстегнул от пояса вместительный кожаный бурдюк и, зубами выдернув деревянную затычку, протянул бурдюк Стиву.

— На, пей!

Стив, благодарно кивнув, схватил бурдюк и торопливо поднёс его к пересохшим своим губам. Он жадно глотал эту тёплую, отдающую болотной гнилью, воду, он, казалось, наслаждался каждым глотком... наконец, опомнившись и чуть

устыдившись этой своей несдержанностью, юноша вновь протянул бурдюк Гэлу.

— Спасибо!

— Не за что!

Гэл аккуратно вставил на место затычку, вновь прикрепил бурдюк к широкому поясу. Он великолепно обходился одной правой рукой, изредка только помогая ей блестящим трезубцем левой руки.

— Смотри! — сказал вдруг Гэл, указывая рукой куда-то вниз, на дорогу. — Ты видел когда что-либо подобное?

Стив тоже посмотрел на дорогу, туда, куда указывала рука Гэла.

На дороге, каменистой и почти лишённой всякой растительности, виднелся небольшой ярко-оранжевый круг или, скорее, овал, образованный чем-то, наподобие лишайника, а скорее, невысокого мха. Стив отчётливо разглядел тонкие, совершенно одинаковой высоты стебельки, плотно соприкасающиеся друг с другом.

— Мох какой-то... — пробормотал задумчиво Гэл. — Или всё же, не мох, как думаешь?

— А вон ещё! — показал рукой Стив.

Недалеко от первого на дороге виднелось ещё одно ярко-оранжевое пятно, на этот раз чуть покрупнее, и, в отличие от первого, почти идеально округлое.

— Никогда такого не видел! — снова пробормотал Гэл. — Может они ядовитые?

Стив, не отвечая, лишь равнодушно пожал плечами. Но всё же, когда через некоторое время им попался на дороге ещё один подобный круг, на этот раз уже величиной почти с человеческую голову, он постарался объехать его так, чтобы лошадь случайно не наступила копытом в эту оранжевую мякоть. Не потому, что очень уж её опасался — так, на всякий случай. Впрочем, все воины, ехавшие впереди его, проделали то же самое.

Чуть заметный этот подъём местности, между тем, всё продолжался, деревья вокруг почти уже не встречались, даже невысокие... потом и кустарник начал постепенно редеть, всё чаще и чаще разрываясь большими полянами. И вот, наконец, наступил момент, когда воины вообще выехали за пределы леса. Это случилось так неожиданно, что Стив в первое мгновение даже глазам своим не поверил.

— Мы выбрались! — в радостном волнении воскликнул он, жадно озирая бесконечную, волнистую степь вокруг себя... по ней, разбросанные там и сям в однообразном травянистом море, виднелись лишь незначительные островки кустарников. — Наконец-то лес закончился!

— Закончился? — Гэл пожал плечами. — С чего ты взял, что он закончился?

— А это?

Юноша встревожено и одновременно с надеждой взглянул на товарища. В ответ Гэл вздохнул и вновь пожал широкими плечами.

— Это просто какое-то плоскогорье, — буркнул он мрачно. — Не надо тешить себя пустыми иллюзиями. Не знаю, сколько оно протянется, но рано или поздно мы снова окажемся в полной власти этого проклятого леса!

Слова Гэла подействовали на юношу как ушат холодной воды. Впрочем, остальные воины, более опытные в таких делах, нежели Стив, тоже не проявили особого энтузиазма по поводу окончания проклятого этого леса, а значит Гэл, скорее всего и на этот раз оказался прав...

Но даже на какое-то, пусть короткое, время оказаться за пределами Чёрного леса — чем не счастье!

Впереди их внезапно послышались встревоженные возгласы воинов. Ехавшие впереди всадники сгрудились, полукругом обступив что-то, пока невидимое отсюда. Толстяк впереди Стива резко натянул поводья, повернул в сторону Стива и Гэла потную свою физиономию.

— Что там стряслось?

— Сейчас посмотрим!

Гэл повернул лошадь чуть влево и направил её вперёд прямо по густой сизовато-зелёной траве. Стив двинулся следом. Вскоре они уже подъезжали к столпившимся в полном беспорядке воинам, частью конным, частью, по какой-то причине, уже спешившимся. Воины стояли по обе обочины дороги и смотрели на что-то, происходящее на ней. Стив тоже посмотрел туда.

А на дороге происходило что-то странное. Странное и страшное... но страх пришёл к юноше немного позднее, пока же он лишь с удивлением и некоторым недоумением подумал, что такого, вообще, быть не может, что так не бывает, не должно быть...

На дороге расположилось уже знакомое Стиву ярко-оранжевое пятно, на этот раз очень уже большое, даже огромное, в полтора человеческих роста диаметром... и это оранжевое нечто стремительно всасывало в себя выючную лошадь вместе с грузом. Задние ноги лошади уже почти полностью исчезли в глубине оранжевой этой твари — впрочем, окраска пятна возле задних ног лошади была скорее алой, нежели оранжевой — передними же копытами лошадь пока ещё упиралась в твёрдую каменистую почву дороги на самой, считай, границе её с оранжевым этим пятном. Один из спешившихся воинов изо всей силы тащил лошадь за уздечку, отчаянно и, увы, безуспешно пытаясь

помочь ей выбраться из западни. Лошадь, до этого момента лишь молча мотавшая головой из стороны в сторону, вдруг издала короткое отрывистое ржание, больше напоминающее мучительный, полный предсмертной боли и страдания, стон, потом голова несчастного животного как-то разом обмякла, и лошадь тяжело рухнула набок, прямо в оранжевое это месиво. Воин, дёргавший за уздечку, от неожиданности тоже покачнулся и упал на одно колено. Рука его, всё ещё не выпускавшая уздечку, на какое-то короткое мгновение соприкоснулась с оранжевой поверхностью пятна. И тут же с яростным воплем воин отдёргнул руку и вскочил на ноги.

— Она откусила мне пальцы, эта тварь! — закричал он, с ужасом уставившись на свою левую руку с короткими кровоточащими обрубками на месте четырёх пальцев.

Опомнившись, наконец, воин принялся лихорадочно перематывать искалеченную руку куском белой материи, услужливо предложенной кем-то из товарищей. О лошади он уже не думал, да от неё уже почти ничего не осталось, кроме головы, и голова эта тоже стремительно погружалась в оранжево-красное это месиво. Погружалась, или...

— Оно ведь не всасывает добычу! — в наступившей тишине негромкий голос Гэла слышали все воины. — Оно её перетирает! Как

тёрка.

И тут Стив, присмотревшись, действительно сумел разглядеть, как, двигаясь поистине с сумасшедшей скоростью и проворством, многочисленные тоненькие стебельки, из огромного количества которых и состояло, в сущности, всё это пятно, перетирают последние остатки лошадиной плоти. Лошадь не погружалась в глубину пятна — да там и не могло быть никакой глубины — просто пятно заживо и сноровисто умело пожирать свою добычу. Причём, среди шевелящихся этих ворсинок с одинаковой лёгкостью перетирались и мясо, и кости, и даже ременная упряжь вместе с седлом и тюками. Ещё мгновение... и вот уже на оранжевой, с чуть красноватым отливом, поверхности пятна не осталось вообще ничего. Стебельки выпрямились и вновь стали неподвижными, ну а само оранжевое пятно тоже приобрело прежний, безобидный свой облик. И только окровавленная тряпка на левой руке пострадавшего воина напоминала о только что произошедшей трагедии.

Угрюмо молчащие воины со смешанным чувством ужаса и ненависти смотрели на нового неожиданного врага.

— Нам надо быть ещё более внимательными, — снова произнёс Гэл, по-прежнему негромко, но все воины хорошо его

расслышали. — Впрочем, эти оранжевые твари легко различимы, и нам надо просто вовремя их обнаруживать и объезжать стороной...

— Уступать дорогу каждой твари! — с яростью воскликнул воин с покалеченной рукой. — Неужели их нельзя как-либо уничтожить?!

— Может, огнём попробовать? — не совсем уверенно проговорил кто-то из воинов и посмотрел в сторону Гаая, до сих пор лишь молча наблюдавшим за всем происходившим. Остальные воины тоже с надеждой посмотрели на предводителя, все, за исключением Гэла.

— Огнём? — нахмурившись, Гаай пожал плечами. — Можно попробовать. Впрочем... — он задумался на мгновение. — Бросьте-ка в неё камень.

Камней разной величины по обе стороны от дороги вполне хватало и один из воинов, выбрав среди них увесистый валун размером с три человечесьи головы, поднял его над головой и, поднатужившись, с силой швырнул в сторону пятна. Описав в воздухе пологую дугу, камень тяжело грохнулся аккуратно в самый центр оранжевой твари.

— Метко! — похвалил воина Гаай, по-прежнему внимательно наблюдая за возможными действиями врага. — Молодец!

Взгляды всех остальных воинов тоже были

прикованы к камню, но проходило время, а камень, как и прежде, неподвижно возлежал в самом центре пятна, и ровным счётом ничего с ним не происходило.

— Что, не нравится?! — злорадно выкрикнул кто-то из воинов.

В ответ на это другой воин невесело и как-то принуждённо даже рассмеялся, словно желая вымученным этим смехом изгнать из себя тот ужас, который поневоле внушало всем зловещее это существо, раскинувшееся посреди дороги.

— Бросьте ей ещё камень! Забросать эту тварь камнями! — слышались возбуждённые голоса, но тут же смолкли, ибо оранжевая тварь вновь пришла в движение: многочисленные её стебельки, истончаясь, потянулись вдруг вверх, легко приподнимая над собой увесистый этот камень. По оранжевой поверхности словно прошла рябь... и потрясённый Стив увидел вдруг, как валун зашевелился, словно тоже оживая, потом камень легко сдвинулся с места и, сначала медленно, а потом, всё убыстряя и убыстряя своё движение, двинулся к противоположному от Стива краю оранжевого пятна. У самого края пятна камень набрал уже такую скорость, что, не просто соскочил на обочину дороги, а буквально вылетел за её пределы шагов на пять-шесть, не меньше. Сразу же вслед за этим оранжевые стебельки снова

уплотнились, замерли и приняли прежний свой, обманчиво-безобидный вид.

— Вот же тварь! — чуть слышно пробормотал кто-то из воинов. — Может, и вправду огнём?

— Обойдётся без огня! — воин, потерявший пальцы, вдруг выхватил из ножен меч и, высоко вскинув его над головой, бросился в сторону пятна. — А как тебе это, тварь?!

— Назад! — выкрикнул Гэл, но запоздал, ибо воин уже изо всей силы рубанул мечом по краю пятна.

Удар такой силы должен был, по мнению Стива, насквозь прорубить тонкое тело оранжевого монстра... да и сам воин, кажется, так полагал. Но меч, зазвенев, будто встретил вдруг на своём пути гранитную скалу, а никак не эти тонкие, лёгко уязвимые с виду оранжевые стебельки, отскочил назад. Не ожидавший этого, воин чуть наклонился вперёд, и в это самое время откуда-то из глубины пятна с огромной скоростью вылетело сразу несколько десятков тонких и длинных оранжевых нитей. Нити метнулись по направлению к воину, увидев это, воин выронил меч и попытался, было, отпрянуть назад, но явно запоздал. Оранжевые нити оказались куда проворнее человека — ещё мгновение... и воин, словно муха паутиной, оказался весь облеплен этими тонкими, но удивительно прочными путами.

— Помогите! — отчаянно выкрикнул несчастный, извиваясь всем телом и тщетно пытаясь высвободиться из ловушки, потом лицо воина вдруг побагровело, вместо крика из горло его вырвалось лишь слабое прерывистое хрипение. — Помо... гите...

Но никто из его, охваченных ужасом, товарищей даже не пошевелился. Впрочем, поспеши даже кто-либо из воинов на помощь — шансов успеть сделать это, у него не было бы никаких, ибо оранжевые нити вдруг разом напряглись и рванули, легко, без видимых усилий, поднимая в воздух свою полузадушенную жертву. Ещё мгновение и обмякшее тело несчастного упало в самую середину оранжевой этой твари.

— Силы небесные! — испуганно прохрипел толстяк, как-то незаметно оказавшийся совсем рядом со Стивом.

Торопливо поворотив коня, он тут же отъехал подальше от зловещей твари. Остальные воины, впрочем, тоже поспешили удалиться от неё на безопасное, с их точки зрения, расстояние. Не желая видеть того, что происходило на дороге, Стив отвернулся, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Когда же, наконец, он осмелился взглянуть в ту сторону, на поверхности пятна виднелся лишь золочёный шлем погибшего воина. Проклятая тварь «сожрала» не только одежду своей

жертвы и её обувь, но и металлическую кольчугу, но шлем, почему-то, пришёлся ей явно не по вкусу. Подержав его ещё некоторое время на своей поверхности, оранжевая тварь выбросила шлем в сторону тем же самым способом, что и, немного ранее, камень.

— Поехали! — бешеным голосом заорал вдруг Гаай, заворачивая коня. — Всем строиться в прежнем порядке! Вперёд! Живее!

В голосе предводителя чуткое ухо Стива уловило нотки, не паники, нет... но всё же какого-то, непривычного для Гаая, смятения, и это поразило юношу едва ли не сильнее, чем эта страшная оранжевая тварь на дороге. Пропуская вперёд всадников, одного за другим, Стив дождался, наконец, когда все они проедут мимо его, и вновь занял своё замыкающее место в колонне, рядом с Гэлом. Впрочем, назвать небольшой их отряд колонной можно было разве что с большой натяжкой...

— Ну вот, нас стало меньше ещё на одного человека! — словно подслушав мрачные мысли юноши, негромко произнёс Гэл, обращаясь то ли к Стиву, то ли к себе самому. — Быстро же у нас это происходит, не правда ли?

Ничего не ответив, Стив только вздохнул и пришпорил лошадь. Впереди по-прежнему покачивалась в седле широкая фигура толстяка,

слева, как и раньше, ехал Гэл, внимательно и настороженно следя за окрестностями дороги, по обе стороны которой теперь расстилалось, насколько хватало взгляда, безлесное и совершенно ровное пространство...

И теперь их было всего только семеро...

Семеро из шестисот...

Глава 7

Некоторое время небольшой отряд продвигался вперёд без особых происшествий. Зловещие оранжевые твари больше не встречались, видимость по обе стороны от дороги была великолепной и почти исключала возможность какого-либо внезапного нападения. Мысли Стива рассеянно блуждали, перебирая прошлое... о будущем он старался думать как можно меньше.

Почему-то, вспомнился вдруг ему старый Кром, и те его, самые последние слова. Был ли в них какой-то затаённый смысл, стоит ли рассказать обо всём этом Гэлу, или всё это, так, чепуха, не стоящая даже внимания. Потом новая, неожиданная мысль пришла вдруг в голову юноши.

— Скажи, — повернулся он к Стиву, — Кром, что, и вправду не попадёт в заоблачный мир, как считаешь?

Гэл пожал плечами и ничего не ответил, а

Стив подумал внезапно о том, что и воин, погибший только что в ненасытной утробе страшной оранжевой твари, тоже не пал в бою, так же, как и все воины, сожранные нынешним утром бродячими деревьями. Интересно, куда попадут после смерти их души?

Но когда он обратился с этим вопросом к Гэлу, тот снова ничего не ответил юноше. Он лишь тихо и невесело рассмеялся.

— И что тут смешного?! — всерьёз обиделся Стив.

— Ничего! — Прервав смех, Гэл внимательно и серьёзно посмотрел на Стива. — Просто ты обратился не по адресу. Спроси-ка лучше об этом нашего великого знатока всех святых таинств... не знаю только, почему он не пошёл в жрецы, а стал воином! Эй, Люк! — негромко окликнул Гэл ехавшего впереди толстяка. — Как думаешь, куда попадёт после смерти душа Дольмена?

Обернувшись, толстяк злобно уставился в невозмутимое лицо Гэла.

— Святотатец! — прошипел он, брызгая слюной. — Ты что, никак не можешь угомониться!

— Вот видишь! — с притворной кротостью вздохнул Гэл и, взглянув на Стива, незаметно подмигнул юноше правым глазом. — Даже сам преподобный Люк не ведаёт ответа на непростой сей вопрос!

— Да когда же ты, наконец, перестанешь гневить Высокое Небо, святотатец! — что есть силы возопил Люк, страдальчески закатывая глаза и картинно возводя над головой толстые короткие руки. — Гнев святых мудрецов непременно обрушится на твою нечестивую голову, ежели ты...

— Ежели ты не заткнёшься сейчас же — мой кулак обрушится на твою болтливую пасть! — прорычал воин, ехавший впереди толстяка. — Я, кажется, предупреждал тебя!

Поперхнувшись на полуслове, толстяк замолчал и с надеждой посмотрел в сторону предводителя. Но Гаай, казалось, совершенно не расслышал отчаянного его вопля, во всяком случае, он даже не повернул головы в их сторону. С недоумением и даже какой-то обидой, Люк вздохнул, а Гэл вдруг, ни с того, ни с сего, весело рассмеялся, и, как бы вторя ему, угрюмый воин, ехавший впереди толстяка, тоже расхохотался во всё горло.

— Все наши беды из-за таких, как ты! — с ненавистью прошипел Люк, вновь поворачиваясь к Гэлу. — И эта оранжевая напасть, и деревья утром! Святые мудрецы нарочно насылают на нас всяческие напасти из-за твоего неверия!

— Нарочно, говоришь? — Гэл сокрушённо вздохнул. — Зря я тогда тащил тебя утром обессиленного и беспомощного прочь с поляны! И

Святых мудрецов обидел, и бедное голодное дерево лишил такого лакомого кусочка!

— Да ты... ты... — от негодования у Люка даже лицо побагровело, впрочем, оно и так не отличалось особой бледностью. — Да тебя надобно...

— Всем молчать! — крикнул, не оборачиваясь, Гаай. — И удвоить осторожность!

Замолчав и бросив напоследок на Гэла буквально испепеляющий взгляд, Люк отвернулся, бормоча себе под нос какие-то бессвязные угрозы. А Стив, как раз в это же самое время, уловил вдруг краем глаза некое еле различимое движение справа от себя. Он резко повернул голову в ту сторону... и едва не вскрикнул от неожиданности.

Среди сухого бурьяна, стоящего вперемешку с невысоким, редким кустарником, юноша вдруг отчётливо разглядел сгорбленную и приземистую человеческую фигуру. Скорее всего, человек этот только что привстал из травы, в которой таился... он, видно, никак не ожидал, что последний из всадников вдруг обернётся. Поняв, что обнаружен, человек вновь пригнулся и сразу же исчез из глаз, словно растворившись среди высокой густой травы.

Человек ли?

Кустарник и высокая трава не дали возможности хорошо разглядеть незнакомца, но Стиву сразу же бросилось в глаза его

неправдоподобно широкое и тёмное лицо с рыжей всколоченной шевелюрой и длинной бородой того же цвета. Плечи незнакомца тоже были слишком широки для нормального человека. Этот незнакомец... кого-то он напомнил Стиву, где-то, когда-то Стив уже встречал подобное существо, вот только где и когда?

Гэл осторожно тронул юношу за плечо.

— Ты что-то увидел там, малыш? — спросил он негромко.

Стив молча кивнул, не в силах от потрясения произнести хоть слово.

— Это был человек?

Стив снова кивнул.

— Человек, то есть, не совсем. Он больше походил на... — и тут Стива наконец-то осенила догадка. — Ну, конечно же! Теперь я вспомнил, на кого он был похож! На гнома, на горного гнома!

Густые брови Гэла удивлённо взметнулись вверх.

— Горные гномы Северных скал? — пробормотал он недоверчиво. — И что, скажи, делать горному гному здесь, в самой середине Чёрного леса, за сотни миль от своих родных гор?

Этого Стив тоже не знал, и потому промолчал.

Привстав на стременах, Гэл внимательно огляделся вокруг.

— Ну, что? — с нетерпением спросил

Стив. — Ты его видишь?

Гэл отрицательно покачал головой.

— Вполне возможно, что это всего лишь какой-то безобидный путник или торговец, который своевременно заметил наше приближение и, от греха подальше, попросту спрятался на всякий случай, — размышлял вслух Гэл. — Только вот путнику или торговцу в одиночку нечего делать в этих гиблых местах, ведь так?

Стив кивнул.

— Тогда, скорее всего, это вражеский лазутчик, специально за нами наблюдающий! — Гэл снова осмотрелся вокруг. — Впрочем, так или иначе, но мы должны предупредить Гаая!

Повернув коня влево, Гэл выехал из колонны и быстрым налётом помчался к голове колонны. Стив видел, как, поравнявшись с Гааем, Гэл придержал коня и, по всей видимости, принялся ему что-то объяснять. Мгновение спустя, Гаай поднял руку, подавая сигнал общей тревоги. Всадники дружно натянули поводья, останавливая лошадей, а Гаай, в сопровождении Гэла, подскакал к Стиву.

— Он был один?

Стив пожал плечами.

— Во всяком случае, я видел одного! — сказал он. — Вон там!

Стив указал рукой в ту сторону, где прятался

вражий лазутчик, если, конечно, это был именно лазутчик, а не просто какой-то насмерть перепуганный купец или пилигрим.

— И ты утверждаешь, что он был похож на гнома? — недоверчивый взгляд Гаая буквально впился в бледное лицо Стива. — А ты сам видел когда-либо настоящих гномов?

— Да, предводитель! — Стив замялся на мгновение. — В прошлом, кажется, году, весной, несколько гномов заехали к нам в селение со своим обычным товаром: оружие, кольчуги, украшения. Мой дядя купил тогда у них вот эту кольчугу... не новую, правда... — Стив хлопнул себя ладонью по кольчуге, смутился от этого и даже чуть покраснел. — Я просто хотел сказать, что я хорошо их тогда разглядел, этих гномов.

Он замолчал. Гаай тоже молчал и молча обзирал прищуренным взглядом обманчивую тишину окрестных степей... потом он вновь повернулся к Стиву.

— И что, он тоже был одет в этот их дурацкий яркий кафтан, а на голове у него был полосатый колпак с бубенчиком?

— Нет, предводитель! — Стив отрицательно покачал головой. — На голове у него, кроме спутанной копны рыжих волос, вообще ничего не было, а что касается одежды... — Стив на мгновение задумался. — Кажется, на нём была

какая-то накидка из звериных шкур.

— А оружие? — в ровном голосе предводителя Стив различил вдруг лёгкие нотки беспокойства. — Оружие у него было?

Стив задумался.

— Руки его были опущены вниз, предводитель. Возможно, он держал в руках какое-то оружие...

— Также возможно, что это всего лишь мелкий торговец, испугавшийся за свой товар, — подал голос, молчащий до сих пор, Гэл, — хотя... с кем ему торговать в этом проклятом лесу? Как бы там ни было, мы должны это выяснить!

— Выясним! — Гаай чуть приподнялся на стременах, обвёл властным взглядом притихших воинов. — Внимание, воины! Где-то здесь, в степи, прячется вражеский лазутчик! — рука Гаая, описав полукруг, указало направление поиска. — Сейчас мы развернёмся в цепь, а ты... — он ткнул пальцем в толстяка Люка, — ты останешься здесь с вьючными лошадьми!

— Почему я?! — обиженно начал, было, возражать Люк, но под пристальным взглядом предводителя тут же осекся и только пробормотал еле слышно: — Слушаю, предводитель!

Всадники быстро и привычно развернулись в цепь и, пришпорив лошадей, почти одновременно рванули напрямик через густые заросли бурьяна и

полыни. Они мчались во весь дух, стремясь сохранить дистанцию и строй и, вместе с этим, внимательно всматриваясь во все подозрительные места. Высокая густая трава местами доходила до колен всадников, они словно плыли в каком-то странном сизо-зелёном море. Стив находился на левом краю цепи и изо всех сил старался не отстать от товарищей.

Шло время, они давно уже миновали подозрительное место, и, кажется, порядочно-таки отделились от дороги, но пока ничего подозрительного так и не было обнаружено.

«Привиделся он мне, что ли?!» — смятённо подумал Стив. Ему уже чудились насмешливые взгляды товарищей... да и сам Гаай, кажется, раз или два холодно посмотрел уже в сторону юноши.

— Есть! — закричал вдруг, ехавший рядом со Стивом, воин. — Вон он!

Стив встрепенулся и тоже смог разглядеть, как впереди, утопая в траве по самые плечи, бежал прочь от всадников давешний рыжеволосый незнакомец, причём, бежал он с удивительной, надо сказать, резвостью. И, хоть кони воинов набрали полный ход — расстояние между преследуемым и преследователями сокращалось довольно медленно.

— Не стрелять! — крикнул Гаай, увидев в руках одного из воинов арбалет. — Он нам живой нужен!